

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ МЭРИИ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ»

ЕГО ОТЧИЗНА В НЕБЕСАХ

*Материалы
шестых Лермонтовских чтений*

Ярославль
2007

83.3Р1
Е 30

Его отчизна в небесах: материалы шестых Лермонтовских чтения. 17 октября 2006 г./ Упр. культуры г. Ярославля, МУК «ЦБС г. Ярославля», ЦБ им. М.Ю. Лермонтова. Ярославль, 2007. - с.

*© Центральная библиотека имени М.Ю. Лермонтова
муниципального учреждения культуры
«Централизованная библиотечная система города Ярославля»*

*Камиль Тангалычев
(Саранск)*

Лермонтов читает Россию

Лермонтов – поэт той России, которая и в третьем тысячелетии еще не вступила на территорию России реальной: России Пушкина, Есенина, Некрасова, Шолохова. Но в то же время в каком-то необъяснимом и незримом измерении та Россия, чей поэт – Лермонтов, продолжает жить, исполняя таинственный Божий промысел.

Поэты не столько описывают Россию, сколько читают ее – как божественный текст, который могут читать только поэты: преображающе, творяще, если и домысливая – то только улучшая.

А Россия живет так, что ее и должны читать Пушкин и Тютчев, Гоголь и Тургенев... И, конечно же, Лермонтов.

Лермонтов – читатель идеального духа России, хранящегося в ее запасниках и в третьем тысячелетии, читатель ее метафизики.

Что в метафизике России сегодня? Что это за литература, со стороны которой идет в нашу сторону Лермонтов с «пушкинской строфою» на устах, с судьбою бесхитростного Максим Максимыча в тетради? Увидев, откуда идет Лермонтов, укрытый традиционно высоким для России художественным слогом, мы узнаем – где другая литература России.

Россия держит Лермонтова в запасе – как гигантский слиток золота, к которому боится прикоснуться: не зная, безраздельно ли ей принадлежит это золото, не объявится ли новый хозяин? Ведь Россия в своей истории уже привыкла к тому, что эпохи здесь меняются, хозяева уходят, но потом возвращаются.

Свою огромную тайную драгоценность Россия пытается прятать в пушкинском пространстве. Россия пытается Лермонтова прятать в Пушкине, раздвигая его пространство до необъятности. Это Лермонтов – необъятный – изнутри раздвигает Пушкина.

Своими стихами Лермонтов читает Россию как книгу, перелистывая и светлые, и темные ее страницы, читает Россию – как откровение, как озарение.

Поэты народов России: и их читает Лермонтов, оказываясь в их пространстве, – и страницы по-домашнему теплых книг начинают дрожать от холодного космического ветра, который не перестает преследовать Лермонтова нигде.

Со всех сторон света литературы народов России видят белеющий лермонтовский парус; на том – поэтическом – паруснике, который один на всех, возможно переплыть вечность и оказаться на берегу истины. Но «он, мятежный, просит бури» – он просит прямого Божиего слова, обращенного ко всем народам одновременно; и это слово – непременно поэзия,

непрерывно стихия, как буря, как гроза, как метафора, как шторм. Потому и белеет этот парус, не приближаясь ни к кому в отдельности, но и не исчезая из виду. Так же, как лермонтовский парус «ищет бури», и поэт ищет стихию не для того, чтобы подчиниться ей, а для того, чтобы увести за собой. Не так же ли и поэзия, как «парус одинокой», за собою уводит и литературы народов, и откровения пророков, и судьбы мессий?..

Лермонтов читает и свои стихи – так, как никто их еще не читал...

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.*

□

Космос. Бесконечность. Черная дыра поглощает звезду. Стихотворение Лермонтова о Космосе поглощает землю.

Стихотворение Лермонтова о бесконечности поглощает Бога, сказавшего, что он и в песчинке, что он и в пылинке.

Не в том ли трагедия Лермонтова, что он стремился к огромности, оторвавшись от земли, потому что – видел Бога в небесах, где его не было? Кого, огромного, Лермонтов видел в небе, если Бог всегда был на земле – в песчинке и в пылинке? Не себя ли? К чему же тогда такая огромность поэту, если сам творец с песчинку и с пылинку?..

Даже одно стихотворение Лермонтова о космосе поглощает землю. Но у него еще сотни стихотворений – значит, нужны еще сотни планет, чтобы ими наполнить поэзию Лермонтова.

Значит, Лермонтов огромен – для Вселенной?

Но пророчески зная о том, что не будет другой земли, стихи, самоорганизуясь в небывалую материю, сами поглощают поэта.

Стихи, в которых твердь Бога заменена бездной художественного вымысла, бесконечностью метафоры, поглощают поэта любой огромности.

Лермонтов хранит русскую литературу своей бездной. Бездной Лермонтова могут быть поглощены хоть Пушкин, хоть Некрасов, хоть даже «небожитель» Тютчев...

Истина грядущего хранится на дне лермонтовской бездны: как запасная твердь вечности; как камень, из которого будет сотворена грядущая земля. Вглядевшись в третье тысячелетие, Лермонтов прочтет поэтическое откровение мироздания о том, что оно является единственным творцом самого себя, и что творение мира не прекращается никогда, что весь белый свет создан только из плоти творца. И Лермонтов по-новому увидит свое небо, свой «кремнистый путь», свои горы и пустыни – будто и он сотворил их из своих бессмертных озарений.

Лермонтов – писатель пустыни, а не космоса. Пустыня – больше, чем космос, если сам творец сказал, что он в каждой песчинке. Литература – пустыня...

Лермонтов читает пустыню – она еще не написана? Или уже выжжена?

Если в пустыне в каждой песчинке – Творец, то и каждый человек на земле – идеальной – будет поэтом. Как восточное стихотворение, которое вмещает в себя мироздание, подобно тому, как песчинка вмещает в себя землю.

Лермонтов видел, что каждая песчинка и пылинка на его «кремнистом пути» воплощает единственную истину, и оттого неуютно чувствовал себя на земле. Он «в небесах видел бога», но тот бог, которого видел Лермонтов, ничего не творил; он творил лишь гордыню поэта, тут же прощая и наказывая поэта за нее. Бог суров только потому, что суровостью его наделил поэт: и он наказывает поэта от такой безысходности. Наказывает поэта – потому что никого больше нет во власти этого бога. Это – бог только поэта!..

Потому что единому и всемогущему Богу – истинному – поэт не нужен; он сам себе поэт, он сам себе пророк! Ему не нужна и власть над поэтом!

Язычество не подчинилось и новым пророкам, избивавшим и убивавшим его. Оно оказалось мудрее пророка – и ушло в поэзию, где и творит теперь миры. Изгнанное язычество именно после изгнания и обрело истинное всемогущество...

Поэт – сам по себе народ. Народ-Лермонтов, народ-Тютчев... А народ – словно поэт у народа-Лермонтова или у народа-Тютчева. Возле Лермонтова нация вынуждена быть поэтом, иначе невозможно оставаться возле Лермонтова. Хотя слишком много в жизни нации прозы, не пускающей ее в идеальные нации, в которые торопит ее философия.

Однако народ исторически мудр: быть преждевременным поэтом – трагично. То есть – трагично преждевременно быть поэтом. Тем более: у России есть Лермонтов, который может ждать свой народ в поэты – бесконечно! А сам поэт, кто бы и на каком бы языке его ни читал, всегда приходит в единый народ планеты.

Религии тоскуют о Лермонтове, запоздало желая, чтобы пророк был поэтом; чтобы Спаситель был поэтом. «В меня все ближние мои бросали бешено камня...» Это – грядущая истина бросает камень в Лермонтова, чтобы он не становился пророком – ни библейским, ни кораническим! В Лермонтова бросает камень та истина, у которой выразителем может быть только поэт...

Камень долетают до Лермонтова: значит, новая истина – на земле. В небе ее и не было. В небе был – бог поэта. Бог – только поэта! Но власть над поэтом – не больше ли, чем власть над всей землей?

Лермонтов – твердь истинной русской поэзии; твердь, стоя на которой даже на одной ноге, русская поэзия не перестанет быть мировой. Для того чтобы русской поэзии оставаться мировой, ей мало только стихов Пушкина, только стихов Тютчева, Некрасова, Есенина, Рубцова.

Лермонтов сохраняет поэзию, порой даже уводя ее от земли, где Пушкин – обожествленный – ее слишком приземляет. И вознесением на демоническую высоту Лермонтов уводит поэзию от земли. На этой высоте не надо бояться демона нашей душе, ведь с нею – поэт, возле которого и

демоническое становится божественным. А в отсутствие поэта – и земное становится демоническим.

Лермонтов – твердь нашего духа в небесах: чтобы нашему духу, традиционно ищущему Бога в вышине, было там на что опереться, чтобы он не исчез в звездной бездне небес.

Лермонтов долго не покинет Россию, ее литературу. Он и погиб рано будто бы для того, чтобы всегда быть молодым, у которого много времени впереди; чтобы Россия знала: впереди ее всегда ждет Лермонтов; чтобы Россия помнила: ее всегда будет читать Лермонтов, что бы она ни сочиняла на своем историческом пути.

Лермонтов, не смыкая глаз, созерцает Россию с вышины; потому для России важно жить – вызывая восхищение поэта, а не гнев его. Лишь та земля по-настоящему счастлива, которой восхищается ее поэт. «И звезда с звездою говорит» над нашей землей только о России. И небеса глазами Лермонтова читают Россию.

Лермонтов читает советскую поэзию – она обширна, в ней много стихов. Находит ли он поэта среди множества советских стихотворцев? Не Ленина ли одного он признает поэтом – за его бунтарство?

Лермонтов читает нашу фронтовую поэзию. Великая Отечественная война – сама великий поэт. Ее языком, обожженным огнем, российские стихотворцы записали трагические откровения поэта-войны.

Но даже читая ее лучшие стихи, Лермонтов не трепетал так, как трепетал, читая рыдания солдатских вдов, мужество в глазах мальчиков военного времени, когда читал фронтовые треугольники, которые обожженной рукой писал ангел. Это о нем Лермонтов сказал: «В небе полуночи ангел летал». А сам ангел – у Лермонтова научился быть русским поэтом.

Лермонтов не читал многих стихов Твардовского, тем более не пролистывал его «Новый мир». Но он слушал задорную гармонь Василия Теркина и видел: Победа – не только грядущее России, но и ее прошлое.

В годы советской поэзии сама эпоха была поэтом. В такие времена, когда эпоха – поэт, поэтом может быть и заурядный стихотворец. А вот когда эпоха лукава и заурядна, поэтом может быть только гений.

Со многими из советских поэтов Лермонтов был бы готов вместе биться на Кавказской войне. Многих из них за мужество и человечность, за упорство в стихосложении Всевышний наградил, как орденами, одним-двумя истинными стихотворениями.

«И в небесах я видел Бога». Бог, увиденный Лермонтовым в небесах, видел с небес тех, кто очень хотел стать поэтом и отдавал стихотворчеству всю свою единственную жизнь. И Господь увеличивал свою армию поэтов, пополняя ее фронтовиками: даже в Его вечности редко бывают такие эпохи, из которых можно брать столько настоящих людей...

Без поэзии не обходится вечность. Само время будет выживать в поэзии, будет укрываться в метафоре от жестоких и беспощадных

«информационных» бурь XXI века. Потому поэзия будет вселяться в метафору, как в Ноев ковчег, как в истину.

Для чего нужна поэзия человечеству? Чтобы всегда «в небесах видеть Бога» и свидетельствовать об этом. Для человечества нет свидетелей существования Бога и в небесах, и на земле надежнее и вернее, чем поэзия.

Поэзия – то чудо, в котором усомниться невозможно и которое невозможно отвергнуть, как отвергало человечество и языческих богов, и пророков, и мессию. И вернуло их к себе только тогда, когда они, покидая человечество, воплотились в поэзии, в метафоре. Тогда они стали истинными чудотворцами, Только в поэзии они поднялись в полный рост – как боги, пророки, мессия.

Только поэзия способна поселить Бога в песчинке, не претендуя на пространство, занятое человечеством, которое и с Богом не делится своим пространством. Только поэзия прошлое перемещает в грядущее. Человечество умеет всем сердцем любить только будущее, только будущее оно умеет боготворить.

Поэзия нужна для того, чтобы «в небесах видеть Бога». Если поэзия не увидит Бога прозрачным, то его тяжести не вынесут небеса и рухнут на землю. Только поэзия может поселить Бога на земле, чтобы было кому удерживать небеса на могучих плечах.

Поэзия творит мир, а поэт – свидетель не прекращающегося творения мира...

Возможно ли еще писать на земле настоящие стихи, когда столько стихов уже написано за тысячи лет существования человечества? И не потому ли Лермонтов вознесся в небо, что не хотел занять собою путь стихотворцев земли?

Лермонтов не выжег одним своим сиянием все деревья и кусты, чтобы к каждому кусту и дереву Отчизны свое сияние принес каждый поэт. Иначе куда бы дела наша земля столько своих поэтов, если бы земное пространство им не уступил космический Лермонтов? Не мог же он им уступить пространство небесное, где «звезда с звездой» узнавали только его. Потому теперь в России можно было писать стихи сколь угодно долго: потому что земля по-настоящему слушает только шелест листвы на деревьях, счастливое рыдание метелей, пророчества океанов и сияние звезд...

А более всего земля слушает себя – однажды узнав, что именно в ней воплотилась истина творения, что она создана не из песка и глины, а сотворена из нетленной плоти истины...

Андрей Нитченко
(Ярославль)

Образ Лермонтова в поэзии

Есть личности, образ которых, спустя время после смерти, приобретает свойства не просто выдающихся людей, сохраняющихся памятью нации, но приобретает черты почти архетипические. Их образ становится выражением неких фундаментальных для народа понятий и представлений о самом себе. Это не столько представления о свойствах собственного характера, сколько критерии самоидентификации. Лермонтов - как один из таких образов-архетипов, культурных героев? Примем это почти как метафору. Как Бахтин предлагал принять почти как метафору свое понятие хронотопа.

Не в моих силах охватить весь материал, накопленный русской литературой, эссеистикой, философией, касающийся Лермонтова, создающий наш образ Лермонтова. Итак, оговорюсь, что хочу рассмотреть Лермонтова не со стороны биографии или анализа его поэзии, а как культурное явление, как образ, созданный почти двумя веками. Я возьму несколько характерных лирических произведений, иллюстрирующих понимание и эмоциональное восприятие поэтами образа Лермонтова, который, не побоюсь сказать, как *лирический феномен* сформировался в XX в. XIX в. еще был занят формированием самого образа нации, России, по выражению Анри Труайя, «вечной»... «навсегда утраченной нами, простирающейся где-то там, далеко, по ту сторону границ» * [1]... И образ Лермонтова – где-то «по ту сторону границ», принадлежащий этой России, оставшийся в ней, и поэтому осмысленный уже на расстоянии.

Выделим здесь две-три черты, останавливающие взгляд. Их хватит для того, чтобы вызвать на размышление, спор, расширение тезисов. На большее я не претендую и поэтому не держу себя слишком жестко в рамках академического стиля повествования.

Образ Лермонтова строится на идеях недоволенности, призрачности, и поэтому в своем выражении он очень часто «антуражен». Я поясню, что имею в виду под этим понятием. Есть некая *недоступная черта* между ним и теми, кто пытался его описывать или брал в качестве лирического героя. Лермонтов как-то психологически неудобен – своей *непроницаемостью*, неличностью отношения к нему. В отличие от Пушкина, к которому как раз у каждого отношение личное, может быть, слишком личное, переходящее порой в хлестаковское. Образ Пушкина как бы втягивает в себя окружающие предметы и лица, делая все вокруг «пушкинским». Чтобы увидеть Лермонтова, нам нужно наоборот – расставить предметы «как было». Там – картонные (и настоящие) скалы, там – облака, там – горы, там – море, там – синий ментик.

Он – лишний человек, не в том, устоявшемся, смысле, а в том, что именно

человеческое в его восприятии оказывается лишним. Такое отношение к человеческому афористично выразил Ходасевич:

*Здесь, на горошине Земли,
Будь или ангел, или демон.
А человек – иль не за тем он,
Чтобы забыть его могли? * [2]*

Стоит ли говорить, что это очень лермонтовские строки? Мережковский назвал Лермонтова «поэтом сверхчеловечества», расположив его образ на общем панно собственных нищезанских настроений и построений, но, может быть, был прав. «Сверхчеловечество» — именно та категория, тот воздух, дыша которым Лермонтов становился поэтом. Его сознание приобретало те монументальные формы выражения, которые мы привыкли связывать с его лирикой. Байрон, романтики – все это было для него одним из примеров, более-менее адекватным выражением собственного глубокого стремления, без которого никакие литературные влияния не могут иметь значения. Стремления осверхчеловечиться, развоплотиться, бросить вызов миру и отказаться от него, сознательно стремясь не только к выражению этого в слове, но и к «монументальной» гибели. Лермонтов еще и воплотил в себе идею трагического бунта, сыгравшую такую роль в нашей истории, о которой говорить излишне.

Так вот, о развоплотении и антуражности. Поразительно, что в некоторых описаниях Лермонтова главное внимание уделяется именно хрестоматийным атрибутам внешнего образа. Как если бы всем на руки выдали приблизительное его описание: возраст, рост, одежда, цвет волос, но не дали особых примет.

*Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
Как далеко до завтрашнего дня.
И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня. * [3]*

В этих строках Георгия Иванова меня всегда останавливала странная *школьность* восприятия. Эти звенящие шпоры. Действительно, когда школьники рисуют иллюстрацию к стихотворению, они изображают дорогу и на дороге, конечно, «Лермонтова» в общей условной военной форме (неважно, что пехотинцам шпоры не нужны), задумчиво глядящего, допустим, на луну. Все слова цитируемого лермонтовского шедевра внутри цитаты равны только сами себе. Если Лермонтов пишет: «Выхожу один я на дорогу...», – то, разумеется, «Лермонтов один выходит на дорогу...» Слово «один» хочется прочесть со значением «некий». Это некий общепозитический Лермонтов, от которого кроме шпор ничего не осталось. Развоплотенный, неуловимый Лермонтов и у Цветаевой. Не герой стихотворения, а символ неуследимости, победы над временем и пространством, но не личность – «Без руки, без слова...»:

*А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени*

На стенах...

*Может быть – отказом
Взять? Вычеркнуться из зеркал?
Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал...* [4]*

У Юрия Кублановского одно из лучших его стихотворений «Посвящается Лермонтову»:

*В альпийском леднике седеющем подснежник
разбуженный угас!
Мир сердцу твоему, хромающий мятежник!
И прежде и сейчас
от выщербленных плит кавказской цитадели
не близок путь.
Печальные глаза с овальной акварели
закрой когда-нибудь.*

(-)

*Ты зримо презирал актерские повадки
державного паши.
Но молния сожгла походную палатку
Твоей души.
Не голубой мундир своею черной кровью
Смывает желчный грим с усталого лица,
а Демон, наконец, склонился к изголовью
взглянуть на своего творца.* [5]*

Здесь и в духе юноши-Лермонтова хромающая, косноязычная первая строка, которую спасает торжественная гулкая музыка и эффект зеркального отражения в конце: Демон - творец. Кто в ком отразился? А описание традиционных атрибутов лермонтовского образа

*В испарине скакун, армейская рубаха,
омытый солью стих...
оборачивается метафизикой:
Но молния сожгла походную палатку
твоей души...*

(Кстати, редко кто обращается к Лермонтову на ты. К вопросу о «недоступной черте»).

Но и здесь наполнение образов таково, что наводит на мысль о развоплощении – на этот раз насильственным. Такое впечатление, что лучше всего в Лермонтове нами воспринято именно это – разделенность с самим собой, демонизм и скитальчество. Мы не помним человека.

Вот еще одно стихотворение – Велимира Хлебникова:

*На родине красивой смерти – Машуке,
где дула войскового дым
обвил холстом пророческие очи,
большие и прекрасные глаза
И белый лоб широкой кости.*

(...)

*Орлы и ныне помнят
Сраженье двух желез,
как небо рокотало
И вспыхивал огонь.*

(...)

*Певец железа – он умер от железа.
Завяли цветы пророческой души.
И дула дым священником
пропел напутственное слово,*

*А небо облачные почести
Воздало мертвому певцу.
И доньне во время бури*

Горец говорит:

*«То Лермонтова глаза». * [6]*

(...)

И оксюморон «родина смерти» и образ лермонтовских глаз, видимых во время бури – указывает на то же противоречие – на несоразмерность духа и воплощения. Дух, который уже при жизни не держится в отведенных ему рамках. Создается образ человека, вообще не нашедшего своего окончательного воплощения. Может быть, в этом смысл того, почему его образ так часто распадается на отдельные предметы, артефакты, найденные на месте Лермонтова, почему он так статичен и, вместе с тем, так загадочен и тревожен для нас. Напрашивается странное, может быть, сопоставление этого суждения с пластической теорией Лессинга в эссе «Лаокоон или о границах живописи и поэзии»: «...страдание не проявляется в лице Лаокоона с той напряженностью, какой можно ожидать при такой сильной физической боли...» «Есть страсти и такие выражения страсти, которые чрезвычайно искажают лицо и придают ему такое ужасное положение, при котором совершенно исчезают изящные линии, очерчивающие его в спокойном состоянии...» * [7]

Метафорически – с образом Лермонтова случилось то же, что со скульптурным образом Лаокоона в толковании Лессинга: ему не было дано полного выражения всего, что было в нем, чтобы оставить зрителю догадку об этом, не исказив его черты, но остановив их.

Отчасти поэтому и лермонтовская смерть кажется нам чем-то гораздо более противоестественным, чем смерть Пушкина. Она представляется тем самым скульптором, который закончил лицо нашего героя, но не дал представления о фигуре. Вместо нее – фигура умолчания, которая и создает неявный, странный, нуждающийся в устойчивых внешних атрибутах узнавания Лермонтовский образ. В отличие от Пушкина его очень легко окарикатурить – в нем очень много типичного. Но это типичное – наше, зачастую не относящееся к Лермонтову. Только к его образу.

Как сказал Василий Розанов: «В Лермонтове срезана была самая кронка нашей литературы, общее – духовной жизни» * [8] Но и здесь больше возможностей для догадок, чем для суждений.

Примечания:

1. Труайя А. Такая долгая дорога // Дружба народов. 1996. N 10. С. 198.
2. Ходасевич В. Гостю // Ходасевич В.Ф. Избранное. СПб., 1997. С.174.
3. Иванов Г. Белая лира: избранные стихи. М., 1996. С.155.
4. Цветаева. М. Прокрасться... // Цветаева М. Собр. соч. в 7-ми томах. М., 1994. Т. 2. С. 199.
5. Кублановский Ю.М. Число. М., 1994. С. 120.
6. Хлебников В. Избранное. М., 1988. С. 60.
7. Лессинг Г.Э. Лаокоон или о границах живописи и поэзии // Избранное. М., 1980. С. 382, 387.
8. Розанов В.В. Собр. соч. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 289.

Алексей Виноградов, Виталий Виноградов
(Армавир)

Тайна валерикского эпизода

Хорошо известно, что М.Ю. Лермонтов много и упорно работал над текстом прославленного стихотворения 1840 г. «Я к вам пишу случайно; право...» (больше известного как «Валерик»), существенно изменив его содержание и тональность. * [1] Весьма примечательна смысловая правка стихов 176-201, в которых вместо первоначальных сугубо личных переживаний и ощущений автора была запечатлена выразительнейшая и полная важного идейно-художественного смысла сцена горького солдатского прощания «седых усачей» с боевым и любимым «их капитаном», чей лаконично созданный образ подкупает высокой человечностью, ратной честью, близостью к народу, то есть арсеналом черт, создающим тип «настоящего кавказца», впервые разработанный в лермонтовском творчестве. * [2]

Сцена эта могла бы оцениваться как правдоподобный вымысел, вполне мотивированный содержанием, как чисто художественный штрих конкретного произведения к общему «портрету войны» и к его яркому фрагменту, живописующему кровавый валерикский бой 11 июля 1840 г. Однако обращение к малоизвестному ныне труду А.Л. Гизетти * [3] позволяет утверждать истинность воплощенного в поэтических строках факта и даже установить личность офицера, оплакиваемого солдатами на берегу чеченской реки Валерик. Таковым был капитан Ширванского пехотного полка Рожицын 1-й, ибо среди «убитых 6-ти обер-офицеров» * [4] российской армии в «деле при Валерике» Рожицын 1-ый – единственный капитан, к тому же явно старшего поколения и, безусловно, русский по

фамилии (на фоне поручиков Бризани и Ефимовича, ротмистра Розенстрема, хорунжего Четчасова, прапорщика Ягеловича).

Краеведческий комментарий этого случая открывает определенные перспективы для толкования и некоторых других стихов «Валерика», а также близкого ему «Завещания», * [5] выдающихся произведений, запечатлевших суровую действительность военного умиротворения части восставших чеченцев, принявших власть имама Шамиля. * [6]

Вместе с тем, необходимый трезвый анализ побуждает решительно отвергнуть досадные примеры, когда в этом биографо-творческом контексте М.Ю. Лермонтову голословно приписываются оценки, подобные его якобы восхищению «полководческим талантом Шамиля, его военным искусством», например, в письме А. Лопухину от 17 июня 1840 г. * [7] Они не имеют никакого отношения к присущему великому поэту уважению к ратным достоинствам горцев, т. к. на самом деле, в письме говорится буквально следующее: «Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь, прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк! Пожалуйста, спусти его с Аспелинда; они там в Чечне не знают, индийских петухов, так, авось, это его испугает...». Не правда ли, здесь совсем другие смысл, тональность и гамма чувств?

Проникновение в коренную суть творчества русских классиков должно всегда подразумевать высокую степень компетентности, объективности и ответственности.

Примечания:

1. Виноградов Б.С., Виноградов В.Б. Черты «невольного сближенья»: (некоторые штрихи к истории создания стихотворения «Валерик») // Русская художественная литература и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей. – Грозный, 1982. С. 14-21; Виноградов А.В. Кто он – капитан из «Валерика»? // Археология и краеведение – вузу и школе: (третья региональная научно-практическая конференция). – Грозный, 1989. С. 18-19.

2. Виноградов Б.С., Виноградов В.Б. «Кавказец» М.Ю. Лермонтова // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. – Т. V. Вып. 3. Литературоведение. – Грозный, 1968. С. 61-72; Виноградов А.В., Виноградов В.Б. Удивительный «настоящий кавказец» // Дань лермонтовской судьбе: (историко-литературные этюды). – Армавир, 2004. С. 14-19.

3. Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801-1885 гг. – Тифлис, 1901.

4. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. – Москва, 2003. С. 399.

5. Виноградов Б.С., Виноградов В.Б. Этюды о Лермонтове // Лермонтов и Чечено-Ингушетия. – Грозный, 1981. С. 3-64.

6. Виноградов Б.В., Виноградов В.Б. «Кавказская война» – изжившая себя дефиниция в познании процесса включения Северного Кавказа в состав России // Вопросы Южнороссийской истории: (научный сборник). Вып. 11. – Москва-Армавир, 2006. С. 90-98.

7. Ханмурзаев Г.Г. Национально-освободительное движение горцев под руководством Шамиля в русской литературе // Национально-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.: всесоюзная научная конференция. – Махачкала, 1999. С. 118.

Ольга Миллер
(Санкт-Петербург)

Миф о вскрытом письме: к истории вопроса
Тезисы доклада

1. Среди очередных задач лермонтоведения одно из первых мест занимает создание полной научной биографии Лермонтова. Для выполнения этой задачи наряду с изучением документов, имеющих отношение к жизни поэта и его эпохи, направленным поиском неизвестных фактов, необходимо критически пересмотреть данные, уже освещавшиеся в литературе и освободиться от необоснованных наслоений и измышлений.

2. В этой связи рассматривается эпизод, которому в литературе о Лермонтове отводится незаслуженно большое место, и который необоснованно связывается с историей трагической дуэли.

3. Фактическая основа происшествия, о котором идёт речь, известна из переписки Н. С. Мартынова с родителями. А именно, Лермонтов вёз Мартынову в отряд письмо от его сестёр, в которое были вложены деньги. Поэта в дороге обокрали, письмо пропало, и он отдал Мартынову свои деньги. После этого Мартынова-мать заподозрила, что Лермонтов вскрыл письмо.

4. Судя по тому, что после этого у поэта с семьёй Мартыновых сохранялись дружеские отношения, это недоразумение было разрешено и забыто.

5. После гибели Лермонтова Мартынов неоднократно рассказывал, что история с письмом явилась главной причиной дуэли. Эта версия получила большое распространение и обрастала всё новыми измышлениями. В таком виде она проникла даже в современную лермонтоведческую литературу.

6. Для прояснения этого эпизода необходимо обратиться к мемуарному свидетельству, пересказанному писателем П. К. Мартыновым в его книге «Дела и люди века». Как следует из этих воспоминаний, Мартынов узнал о посланных ему деньгах из письма сестры и сказал об этом Лермонтову, который сразу же заплатил Мартынову свои в возмещение пропажи.

Владимир Захаров
(Москва)

Современные проблемы изучения жизни и творчества М.Ю. Лермонтова

...Ему еще не исполнилось 27 лет, а жизнь так неожиданно оборвалась. Не повезло ему в жизни. Не повезло и после смерти. Ни один юбилей не был отмечен, как следует. На столетие пришлась первая мировая война, на столетие гибели – Великая Отечественная. Беспокойно прошел и следующий юбилей – 150 лет со дня рождения, во время торжественного заседания в Большом театре по залу поползли первые слухи о Пленуме ЦК и смещении Н.С. Хрущева, и всем как-то стало сразу не до юбилея.

Второй поэт России. Да, А.С. Пушкин был Первым не только по времени рождения. Он стал им еще при жизни. А за М.Ю. Лермонтовым слава второго поэта закрепилась спустя этак лет пятьдесят после смерти. И, видимо, это сделало свое дело. Проходили годы, уходили из жизни современники и очевидцы.

Несмотря на большое количество литературы о жизни и творчестве Лермонтова* [1] до сих пор многие страницы его биографии остаются неизвестными. Не странно ли, что о втором поэте России мы знаем ничтожно мало, и до сих пор не написано научной биографии Лермонтова? В то же время нашлись проходимцы, делавшие и делающие на имени поэта спекулятивные опусы, сделавшие факты его биографии детективом.

Чего же мы не знаем о Лермонтове? Какие темы необходимо разрабатывать молодым исследователям. Начнем по порядку.

Нам ничего не известно об обстоятельствах знакомства отца и матери поэта. Мы не знаем, где и когда они венчались. Могут сказать – а насколько это важно? Представьте себе, важно и даже очень. Ведь до сих пор не решен вопрос: а сын ли он Юрия Петровича Лермонтова?

Известный лермонтовед, но не ставший популярной телезвездой, каким был Ираклий Андроников, знавший о поэте действительно все – Виктор Андроникович Мануйлов, попытался поставить этот вопрос в своей кандидатской диссертации, еще в конце 40-х годов XX в. Однако тогда Б.В. Томашевский и Л.Б. Модзалевский попросили его не делать этого, поскольку это может отразиться на лермонтоведении вообще. Они прямо сказали Мануйлову, что Сталину не нравятся незаконнорожденные дети, а именно тогда стали ходить слухи о том, что настоящим отцом Сталина был якобы Пржевальский, были и другие слухи. Поставленный Мануйловым вопрос о Лермонтове так и остался открытым. И если нам понятно человеческое чувство Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, пытавшейся прикрыть грех дочери, то не понятно, почему мы не можем сказать прямо и откровенно, что Михаил Юрьевич Лермонтов был незаконнорожденным сыном, ну и что из этого? Он не один такой оказался в русской словесности. Такими были и В.

Жуковский, и А. Герцен, и многие другие. Зато это объясняет многие факты его биографии. Тогда многое в его творчестве становится ясным, поскольку творчество Лермонтова **АВТОБИОГРАФИЧНО**, как ни у кого другого из русских классиков.

Тогда становится ясной история с обнаруженными Мануйловым тремя заемными письмами Елизаветы Алексеевны. Первое появилось спустя четыре месяца, после того как молодые с бабушкой прибыли в Тарханы из Москвы со своим первенцем. Вероятно, там-то Юрию Петровичу Лермонтову, как говорится, глаза открыли бабушкины «доброжелатели». Он разгневался, отношения с супругой испортились до того, что он даже бил ее по лицу, о чем сохранились воспоминания современников. Теща вынуждена была откупаться. Поехала в Чембарский уездный суд и написала *первое* заемное письмо, в котором сообщила, что взяла в заем «у корпуса капитана Юрия Петрова сына Лермонтова денег государственными ассигнациями двадцать пять тысяч рублей». А у него сроду таких денег не водилось. Он был настолько беден, что не смог выделить приданого своим сестрам, еле-еле собрали только одной.

Юрий Петрович совсем рассорился с тещей и молодой женой, даже завел любовницу. А когда умерла от чахотки Мария Михайловна, он хотел забрать сына, и бабушка на второй день после похорон дочери, снова составляет в суде заемное письмо, уже *второе* и вновь на 25 тысяч рублей, дав обязательство, что ежели она не выплатит деньги через год, то Юрий Петрович волен будет получить их через суд. А 10 июня 1817 г. едет в Пензу и составляет завещание, в котором оговаривает, что все завещает своему внуку Михайле Юрьевичу Лермантову и обязуется дать ему соответствующее его положению образование, и «сохранить должную честь, свойственную званию дворянина».

В завещании были и такие слова: «Если же отец внука моего истребовает, чем, не скрывая чувств моих, нанесут мне величайшее оскорбление, то я, Арсеньева, все ныне завещаемое мной движимое и недвижимое имение предоставляю по смерти моей уже не ему, внуку моему Михайле Юрьевичу Лермантову, но в род мой Столыпинах...»

Юрий Петрович вынужден был согласиться с этим. Так и остался жить в своем имении – Кропотово. У него было два ребенка – девочка и мальчик Алексей. Об их судьбе ничего нам не известно. Вероятно, они были от своей же крепостной крестьянки. Виделся он с Мишелем всего лишь несколько раз. Скончался в Кропотово в 1831 г., а похоронили в селе Шипово, внутри церкви перед солеей, напротив иконы Спасителя. Известно это стало недавно.

Как сообщил 4 августа 1837 г. сотруднице музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске М.Ф. Николевой бывший настоятель Успенской церкви села Шипово отец Сергей Богоявленский: «...знаю, что он схоронен под полом в церкви села Шипова, в настоящей ее части, у амвона, прямо против иконы Спасителя, но памятника никакого на его могиле не было, так как она находится в самой церкви». Это документальное утверждение очевидца полностью опровергает опубликованный издательством «Воскресение» «Протокол эксгумации трупа Юрия Петровича Лермонтова, произведенной 23–24 ноября 1974 года» (из дел бывшего Липецкого обкома КПСС). Скорее всего, обнаруженные останки мужчины, захороненного у наружной стены храма в селе Шипово, перевезенные тогдашним директором музея-заповедника Лермонтова в Тарханах В.П. Арзамасцевым в 1974 г. в Тарханы и выдаваемые им за останки Юрия Петровича, принадлежат, мужу тетки М.Ю. Лермонтова – Виолеву. Именно ей собрали приданое, а разрытые комиссией два женских погребения – останки сестер отца поэта – Натальи Лермонтовой и Елены Виолевой.

От Михаила Лермонтова до определенной поры, видимо, скрывали тайну его рождения. Проследите за его ранними поэтическими произведениями. Они все проникнуты духом рыцарства, связанным с семейными (рода Лермонтов) преданиями. Это Шотландия, это его легендарный предок Лерма, от которого пошел род Лермонтовых. Но вот в 1831 г. умирает отец, и все резко меняется. Мишель больше не вспоминает ни о своих предках, ни об испанцах... Почему такое резкое изменение поэтических интересов? Да, видимо, потому, что все это осталось в прошлом. Вероятно, лишь после кончины Юрия Петровича Мишенька узнал все...

Лишь незначительные факты известны нам о почти половине его жизни. Да, мы знаем, что рос он болезненным ребенком. Но что за болезни он перенес? Чего греха таить, ряд заболеваний дает осложнение на психику, а это, в свою очередь, ведет к определенному типу развития личности.

Я помню, как в 1976 г. вел экскурсию по барскому дому в музее-заповеднике Тарханы. Моими слушателями были крупнейшие нейрохирурги страны. И, увидев копию знаменитого портрета Мишеньки, написанного крепостным художником, когда мальчику было около четырех лет, в один голос сказали:

– А, вот и наш пациент!

– Как Ваш? – спросил я.

– Вы видите, он переболел водянкой головного мозга. Поэтому у него такая большая голова.

– Но позвольте, ведь до сих пор считается, что этот изъян принадлежит художнику. Он попросту был непрофессионал, самоучка, как смог, так и написал.

– Нет, вы не правы, – сказали мне. – Вот обратите внимание: руки, ладони, другие части тела ребенка. Все они пропорциональны, и вдруг только голова непропорционально большая. Так не бывает. Если бы художник действительно был плохой, у него бы весь портрет не соответствовал действительности. На нем действительно все было бы

изображено непропорционально. Да к тому же Вы же знаете, что именно этот художник писал и иконы для церкви Марии Египетской. А там все образы выписаны довольно тщательно. Нет, просто художник написал портрет без прикрас. Он довольно точно перенес на холст изображаемый объект.

Я хорошо знаю доктора Б. Нахапетова, любящего поэзию Лермонтова. Много лет он занимается темой, возможно, на первый взгляд мало интересной – «Лермонтов и медицина». Но то, что ему удалось выяснить, до сих пор не сделал ни один исследователь. Он восстановил биографии врачей, которые жили в Тарханах, их наняла бабушка для внука. Даже нашел диссертацию одного из них. А эти, малозначительные, на первый взгляд, факты дают пищу для определенного обобщения, для выводов о здоровье Мишеля. И тогда станет понятным, почему до четырнадцатилетнего возраста, до 1828 года, он прожил с бабушкой в ее имении Тарханах. Тогда понятно, почему она всюду с ним, и когда он в университете, и когда юнкером в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, и, даже, когда стал офицером. Вот только выехать вместе с ним на Кавказе не смогла, стара уж больно была. Однако все эти свидетельства не востребованы исследователями-лермонтоведами.

Столь же мало мы знаем о московском (1828-1832 гг.) периоде жизни Лермонтова. Сравнительно недавно опубликовали его студенческие конспекты, и мы можем представить, что он изучал, как ему преподавали, а ведь тогда закладывались основы его будущего мировоззрения. Ведь он был уже совсем не тот, каким было поколение до него, какими были, к примеру, декабристы. Советское литературоведение пыталось преподнести нам образ Лермонтова как наследника декабристов, как борца с царизмом, как борца с Богом, такого поэта-атеиста. На деле все это оказалось обычным партийно-советским идеологическим штампом, советской мифологией.

Нет, не понимал он декабристов, слишком далеки были его взгляды настоящего русского человека от взглядов демократически настроенных масонов, которыми были все декабристы. Чужды они были ему, точнее не все, а большинство. И его встреча с одним из них – Николаем Ивановичем Лорером близ Тамани, в Фанагорийской крепости в декабре 1840 года, была нелегкой. Они так и не поняли друг друга и расстались «вежливо, но холодно». А с другой стороны Лермонтов очень полюбил «милого Сашу» – Александра Одоевского, и стихотворение о нем полно сокрушений о рано погибшем гении. Он сдружился во время военной экспедиции с декабристом Вигелиным, они нашли общие темы. Разговаривая о философии Канта, они шли рядом после сражения у речки Валерик в Чечне, шальная пуля попала в Вигелина. На руках Лермонтова скончался его товарищ.

У Лермонтова прекрасные религиозные стихи, и никаких мыслей атеистических невозможно увидеть в его произведениях. Мне могут возразить – а «Демон»?

А что «Демон»? Отбросьте советский взгляд на творчество поэта. В этом произведении он попросту захотел взглянуть на мир глазами дьявола. Что из

этого вышло, все мы читали. Лермонтов посещал храмы, в детские годы вместе с бабушкой был в Киеве, поклонялся мощам святых подвижников в Киево-Печерской Лавре. В середине августа 1830 г. он с друзьями и родственниками пешком отправился на богомолье к преподобному Сергию в Сергиев Посад. Шли несколько дней, спешив к празднику Успения Божией Матери. Там он увидел то, что затем легло на бумагу:

У врат обители святой
Стоял просящий подаюня
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья...

Лермонтов не просто посещал храмы, но совершал все то, что полагалось делать верующему православному человеку. Мы знаем документально, что он постоянно исповедовался и причащался. Последний раз это было великим постом 1841 года в Петербурге.

Мы ничтожно мало знаем о занятиях Лермонтова в Школе Гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (1832-1834 гг.). Его слова о двух «страшных» годах, проведенных в Школе, не объясняли нам «страха», потому что не несли за собой конкретности, хотя, конечно, отношение поэта к ней выражено этим ярким и емким эпитетом очень сильно и верно. Не удовлетворяло наше желание проникнуть за плотно закрытые двери этого учебного заведения и стихотворение «Юнкерская молитва», потому что набор повседневностей в ней слишком мал. Мною обнаружены приказы командира Школы генерал-майора Шлиппенбаха, которые в совокупности с другими источниками, известными и малоизвестными, а также совершенно новыми, заполняют эту двухгодичную полупустоту массой подробностей быта. Через что прошел Лермонтов с самого начала и до конца обучения, из этих, казалось бы, мелочей, составила двухгодичная жизнь поэта. К сожалению, только часть из них опубликована в «Летописи жизни и творчества Лермонтова», но я указал все архивные фонды, чем воспользовался Е. Рябов, опубликовав их все как свою личную находку, не удосужившись указать, кто действительно их обнаружил. Пишу это не ради славы – элементарная научная этика требует этого.

Мы стыдливо умалчиваем о юнкерских поэмах, они публикуется не всегда и с огромными купюрами. Только несколько лет назад эти купюры были, наконец-то, опубликованы в одном академическом журнале. Да, эти поэмы слишком вольные, да в них содержатся «непечатные» тексты. Я не считаю, что их надо печатать огромными тиражами, но это эпистолярный памятник, свидетельствующий об определенном направлении мысли поэта. И эта серия юнкерских поэм тоже объясняет нам очень многое в его жизни. Он не был любителем однополый любви, как это сейчас утверждают некоторые доморощенные исследователи, но он видел все, что происходило в закрытом военном учебном заведении. Это происходило и после него, это происходит

до сих пор. И Лермонтов, обладая поэтическим даром, все свои наблюдения перенес на бумагу.

Да все знали, о ком идет речь, кто конкретно скрывается под тем или иным псевдонимом. Один из таких светских ловеласов – князь Александр Иванович Барятинский, до конца жизни сохранял нелюбовь к Лермонтову только за то, что он правдиво, слишком правдиво изобразил его в юнкерской поэме «Гошпиталь» под именем «Лафа». А ведь об амурных похождениях Барятинского знал чуть ли не весь Петербург, дошло и до царя, который высказал свое Высочайшее неудовольствие таким поведением. И что ж, князь одумался, сделал большую карьеру, а в 1856 г. его назначили Наместником Кавказа. В 1859 г. войска под его командованием взяли в плен Шамиля, закончилось покорение Кавказа, принесся в этот край мир и процветание. Конечно, ему – великому покорителю Кавказа, не хотелось вспоминать проделки молодости, он не желал, чтобы о них кто-то знал, пусть даже со слов великого поэта. Только этим можно объяснить его отрицательное отношение к Лермонтову.

Отсутствуют монографические исследования и о более поздних периодах жизни Лермонтова: пребывание в Петербурге в 1832-1837 и 1838-1840 гг., Кавказские ссылки 1837-го и 1840 гг. Последняя книга об этом вышла в издательстве «Детская литература» сорок пять лет назад. Ее автор, Т.А. Иванова, тоже была под воздействием советского литературоведения, и в ее исследованиях тоже было немало вымыслов.

Много документов о военной службе Лермонтова разыскал Сергей Малков – полковник в отставке. Но все это так и не увидело свет. А материалы-то чрезвычайно интересные, они позволяют составить довольно сложную картину военной жизни поэта, армейского быта, без этих сведений и тонкостей нам сейчас непонятны многие важные детали и даже события жизни Лермонтова и его окружения.

У нас укоренилось мнение о том, что поэт имел множество врагов. И больше всех его ненавидели «власть предержащие». Тут уж советское литературоведение постаралось на славу. В первую очередь утверждали, что его ненавидел Император, который якобы преследовал Лермонтова всю его жизнь. Однако на деле этого не было и в помине. Но откройте учебники и везде прочтете одно и то же. Николай I, Бенкендорф, великий князь Михаил Павлович оказывались виновны во всех бедах поэта. Это, якобы, по их приказу Лермонтова дважды сослали на Кавказ, и именно они виновны в гибели поэта, устроив заговор и через подставных лиц убив его на дуэли...

И сколько ни говорилось на Лермонтовских научных конференциях, в те советские годы, регулярно проходивших в Пятигорске, сколько ни писали Мануйлов, Латышев, я и некоторые другие лермонтоведы, все было по-старому, идеологические стереотипы оказывались и оказались более устойчивыми. А наш голос оставался – «гласом вопиющего в пустыне».

А вот письмо А.Ф. Бенкендорфа Николаю I, с просьбой о прощении Лермонтова и даже с такой вот припиской, что «прощение этого молодого человека он будет считать как личную для себя награду», у нас не печатали. Немногие любители литературы – современники Лермонтова, обратили внимание на заключительные строчки статьи Председателя Екатеринославской Казенной Палаты А.С. Андриевского «Пятигорск и Кавказские минеральные источники», напечатанной в августовском номере газеты «Одесский Вестник» за 1841 год.

«15-го июля, около пяти часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом: в это самое время между горами Машукою и Бештау, скончался – лечившийся в Пятигорске, М.Ю. Лермонтов. С сокрушением смотрел я на привезенное тело бездыханного поэта...»

Уже тогда, вскоре после гибели Лермонтова, правду никто не сказал, а эта заметка, по сути, была единственным в те дни некрологом. Шло время... Все молчали... Только в письмах некоторых друзей и родственников, да по слухам, которые довольно быстро разошлись по гостиным и салонам, стало известно, что «младой певец» умер не своей смертью, а погиб на дуэли от руки своего давнего знакомого Н.С. Мартынова.

Судили и рядили долго, однако история эта так и осталась тогда неразгаданной, а лет через сорок и даже пятьдесят после дуэли, когда стали появляться первые воспоминания о поэте, многие вообще по-другому рассказывали о том, что же случилось в тот злополучный вечер. И эти воспоминания очень разнились от документальных материалов, о которых никто не знал, которые найдут в архивах позднее. Постепенно вокруг всей этой истории накрутилось так много всякого вымысла, что уже не знали, чему и верить.

Еще первый биограф поэта П.А. Висковатый провел параллель между дуэлями А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. В 1891 году он писал: «Мы находим много общего между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велись потаенными средствами, но главная пружина кроется в условиях жизни и деятелях характера графа Бенкендорфа...»

Эта туманная фраза послужила поводом к построению концепции о специальном и старательно инспирированном политическом убийстве, осуществление которого настойчиво и последовательно добивались представители определенных влиятельных административно-политических кругов Петербурга. Все это самым тщательным образом стало разрабатываться советскими лермонтоведами.

Не хочется перебирать и повторять слухи и предположения, которые появлялись и появляются даже до недавнего времени. Но загадка так и осталась неразрешенной. Бросались из одной крайности в другую, всем всюду мерещились враги. И нет в этом ничего удивительного. Вспомните, когда все это происходило. В 30-е годы XX века, когда особенно активно, в связи с юбилеем Лермонтова, стали появляться новые изыскания,

исследователям тоже пришлось трудиться в духе времени. Советская действительность дала о себе знать. В это время «враги» были всюду, один за другим в стране шли громкие политические процессы над «предателями» и «скрывающимися врагами», поэтому вполне естественно, что такие же враги должны были быть и у великого русского поэта. Ведь иначе представить себе никто дуэль не мог.

Э. Герштейн только в 80-е годы, при переиздании своей книги «Судьба поэта», привела цитату из некролога А.И.Васильчикова – секунданта Лермонтова на дуэли, что поэт там, под Машуком все-таки произнес фразу, которая стоила ему жизни: «стану я стрелять в такого дурака».

Да, известно, что в Париже у потомков Васильчикова хранятся рукописи сына Алексея Илларионовича. Их удалось просмотреть Лоренсу Келли, когда он писал свою книгу «Трагедия на Кавказе». В 1972 г. Келли процитировал эти слова. Я опубликовал воспоминания княгини С.Н. Васильчиковой – невестки секунданта Лермонтова, она предоставила выписку из неопубликованных воспоминаний своего мужа, где, в частности, сообщалось со слов Алексея Илларионовича:

«Отец всегда был уверен, что все бы кончилось обменом выстрелов в воздух, если не следующее обстоятельство:

подойдя к барьеру, Лермонтов поднял дуло пистолета вверх, обращаясь к моему отцу, громко, так что Мартынов не мог не слышать, сказал: “Я в этого дурака стрелять не буду”. Это, думал мой отец, переполнило чашу терпения противника, он прицелился и последовал выстрел».

Однако ничего не изменилось. Прошло время, а старые стереотипы оказались довольно устойчивыми, и гуляют все эти домыслы до сих пор из учебника в учебник, из одной книги в другую. А причина-то кроется в простом: берут несколько книг, прочтут несколько статей, в основном Ираклия Андроникова, и считают себя записными лермонтоведами. Но почти никто не роется в архивах, почти никто не смотрел первоисточники. И когда читаешь такую вот статью о Лермонтове, сразу видишь – кто у кого списал. Потому что повторяют ошибки и описки своих предшественников.

А чего стоят поиски некоей «тайнописи» в рисунках Лермонтова, о которых пишет художница из Истры Л. Шаталова. Тут уж, как говорится, врач опоздал. Но ей этого мало, и она нашла преподавателя одного из московских вузов А. Сахарова. Она пишет за него очередной опус со ссылками на ее якобы доказательства, а статьи выходят под именем Сахарова.

Необходимо вновь вернуться к внимательной разработке темы «Лермонтов и Украина». Связей так много, что даже перечислить все невозможно. Этим когда-то занимался И.Я.Заславский. Это и роман с княгиней Щербатовой, родом из Украины, это и письма с Украины на Кавказ от Юзефовича к Левушке Пушкину о Лермонтове, и многое, многое другое.

Итак, подводя итог, можно констатировать, что время написания научной биографии Лермонтова действительно настало. Но здесь

необходимо сделать несколько направлений будущей работы. Во-первых, необходимо пересмотреть все опубликованные документы о поэте, перепроверить их и внести необходимые исправления, учитывая ошибки, допущенные предыдущими публикаторами. Во-вторых, надо в ближайшее же время опубликовать имеющиеся в различных собраниях документы о поэте, которые по каким-то причинам не публиковались до сих пор. Таких немало, например, в рукописном отделе Пушкинского Дома в фонде Лермонтова. В-третьих, следует рассматривать жизнь Лермонтова в контексте событий в России и за рубежом, учитывая, что он реагировал на многие события политической жизни своего времени. В-четвертых, необходимо не отбрасывать те или иные документы, не вписывающиеся в структуру его жизнеописания, а искать объяснение их появления.

Хотя бы такой факт. Сорок лет в собрания сочинений поэта входит так называемая эпиграмма на Лермонтова. Ее упорно приписывают перу Мартынова. И из книги в книгу гуляет измышление о «явном поводе к дуэли». Но если бы кто-нибудь удосужился просмотреть все бумаги, связанные с этой эпиграммой, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы в Москве (РГАЛИ), то вряд ли эту мистификацию XX века удосужились бы перепечатывать вновь и вновь. В лермонтоведении осталось немало недосказанного. Следует пересмотреть документы, опубликованные в знаменитом 45–46 томе «Литературного наследства», учитывая, что он вышел в 1948 году!!! Это относится и к статьям Э. Герштейн «Лермонтов и семейство Мартыновых», А. Михайловой «Лермонтов и его родня по документам архива Филосовых», Н. Бронштейн «Доктор Майер», да и многие другие. То же самое сделать и с материалами многих статей.

Примечания:

1. См. библиографические указатели, составленные О.В. Миллер.

«Нина»: по страницам современного лермонтоведения

Библиотекарь сейчас имеет дело с лавиной литературы и новой, и прошлых лет издания, а одно из первых мест занимают биографические и исследовательские книги «о великих». И главный авторский акцент в большинстве этих востребованных произведений – «жареный» факт. Цитируя Николая Николаевича Пайкова * [1], напомним, что факт – отнюдь не то же, что событие, факт – фрагмент речи, повествующий о событии, а потому одно событие может дать сто пятьдесят разночтений, т.е. фактов. И более того, при наличии таких фактов, самого события может и не быть.

И вот мы читаем, как исследователи договариваются до того, что Пушкин сам распространял на себя и свою жену пасквили, чтобы в свете говорили о ней и Дантесе, а не о ней и царе. Учитывается всё, во главу угла ставится восхищение перед умом Пушкина, и только одна «мелочь» не берётся во внимание современным интерпретатором – чувство чести! Столь же далёкие от события факты, с уходом И.Л. Андроникова, высоко державшего планку массового литературоведческого чтения, муслируются и в связи с именем Лермонтова.

То вдруг появляется какая-нибудь юбилейная статья, где у Александры Осиповны Смирновой-Россет рождается сын от Лермонтова, а доказательства «железные» – умолчание о Лермонтове в её записках. А то рождается уже дочь. Переписываются названные записки современным развязным языком (чего стоит термин «коллега», когда речь идёт о Жуковском, уважительное «предприниматель» по поводу другого знакомого или радостная оценка «автором» – фрейлиной императриц! – приобретённой ею родни: «Все родственники мужа – люди состоятельные»). Невольно вспоминается рассказ Агаты Кристи об Эркюле Пуаро, который вычислил мошенницу, выдающую себя за княгиню, по контрасту её дешёвых туфель и роскошного наряда. «Это не леди», – был вывод Пуаро. И точно так же «не леди» Смирнова-Россет в упомянутой книге)* [2]. И дописывается не законченный Лермонтовым «Штосс», окончание которого явилось автору, литературоведу Лидии Александровне Беловой, во сне, и, разумеется, он же «Штосс» опирается на всё ту же мифическую связь Смирновой-Россет и Лермонтова. И как должны воспринимать всё это читатели, особенно юные, если в аннотации к книге сказано: «Художественно-документальное произведение «Александра и Михаил» создано на основе мемуаров А.О. Смирновой-Россет (1809-1882) \...\, используются и воспоминания её современников», а проиллюстрирована она не рисунками-интерпретациями, а богатейшим подбором воспроизведений подлинных документов. Завершается книга «Перечнем основных публикаций Л.А. Беловой о Михаиле Юрьевиче Лермонтове» – 21 название.

Вот такая «научность» проходит через руки читателей сплошь и рядом. И потому, если учёному достаточно «вести в научный оборот» своё открытие, то библиотекарю невольно приходится отделять открытия подлинные от пены и делиться опытом отыскания достойных публикаций и книг. С одной из таких книг я и хочу познакомить уважаемую аудиторию.

Это книга Александра Борисовича Пеньковского «Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении»* [3]. Она возникла как итог многолетнего изучения автором языка, культуры и быта конца XVIII – первой трети XIX века. В качестве основы взяты, казалось бы, вдоль и поперёк изученные тексты «Евгения Онегина» Пушкина и «Маскарада» Лермонтова. «Читая эти тексты, мы думаем, что понимаем их, тогда как на самом деле мы во многом их совсем не понимаем, а во многом, что ещё опаснее, понимаем их неправильно и искажённо» (С. 579), ведь очень часто, пропуская язык пушкинского времени через «современно-русское» языковое сознание, мы видим совсем не то, что первоначально было написано.

Например, «отлично» понималось как «весьма, очень, в высшей степени», а не как сейчас – «очень хорошо»; «возмездие» – это ответное действие, которое может быть и вознаграждением за добро, и карой за зло, – а сейчас воспринимается только в смысле «наказание, кара». «Важный» означало «серьёзный», а не иронически окрашенное «чопорно-важный, надутый». А уж «скука» была отнюдь не скукой, а сниженным эквивалентом «тоски».

Но автор идёт ещё дальше, к мифологемам. И такой мифологемой стало имя Нина, которое, как «магический кристалл», позволило увидеть и понять реальный и художественный смысл незамечаемых деталей и эпизодов, имеющих, как оказалось, ключевое значение.

Опустим, в целях экономии времени, интереснейшее раскрытие «мифа о Нине», сложившегося в русском культурном сознании и сохранявшего власть над умами до середины XIX века, и сразу приведём вывод автора о том, что Нина не просто условно-поэтическое имя, как, скажем, Дорида или Темира. «Нина этого мифа – роковая женщина, которая соединяет в себе рай и ад, небо и землю, ангела и демона, Мадонну и Содом, живёт высокими, сжигающими её страстями. Она богиня любви и служительница в собственном храме, «жертвенник, жертва и палач» одновременно. Неся гибель своим избранникам, эта новая Клеопатра готова погибнуть и сама. Расплачиваясь за свою порочную жизнь нравственной или физической смертью, она вызывает смешанную реакцию осуждения и сочувствия и оказывается «бедной Ниной» – в параллель к «бедной Лизе». Сквозь призму этого мифа, основным текстом которого стала поэма Баратынского «Бал» \...\ по-новому прочитывается и трагедия лермонтовской Нины (Настасьи) Арбениной, и горький любовный опыт самого Пушкина, в чьей жизни и творчестве Нинам-Клеопатрам суждено было сыграть совершенно исключительную роль, и его роман «Евгений Онегин». (С. 583).

Только один пример. Отнюдь не от скуки «мстит» Ленскому на балу его приятель. Это происходит в результате явившегося Онегину образа его собственной роковой юношеской любви, обозначенной в романе словом «страсти». Символ этого рокового образа – Нина – назван, но назван так, что это понято одним Онегиным. Это и внезапно «похорошевшие» плечи Ольги – один из знаков светской Нины, те «блистающие плечи» из «Альбома Онегина», не вошедшего в канонический текст, но знакомого по приложениям и примечаниям. Это куплет Трике, который «смело вместо *belle Nina* /. Поставил *belle Tatiana*». Это, наконец, само название трагического праздника: именины – «имя – нины».

«**Призрак** Нины, явившийся в этом зале, окончательно отделил Онегина от Татьяны. **Призрак** Нины встал между ним и без вины виноватым Ленским. **Призрак** Нины (а не спровоцированная ничтожным поводом «привычка»!) воскресил в Онегине прежнего светского повесу, и хлыща, и «мальчика предрассуждений» и предопределил его возвращение к старой, до малейших деталей отработанной тактике флирта и мелкой светской интриги». (С. 297-298). Кстати, оказывается, ещё в античную эпоху сложился так называемый «Книдский миф» – миф об Афродите (Венере), разъединяющей влюблённых (С. 299). И Пушкин не только был знаком с ним, но и, по данным Ростислава Шульца, использовал его структуру в целом ряде текстов.* [4]

Но вернёмся к «Маскараду». Трагедия Нины предопределена данным ей именем. Кем данным? А самим Арбениным, который ввёл её в светское общество, где сниженным, провинциальным и серым смотрелось бы подлинное имя героини. Вспомним, как какой-то Петров, даже не названный в списке действующих лиц (Пеньковский доказывает, что продуманно не названный, ибо здесь названы только маски, а Петров – реален), произносит: «*Настасья Павловна* споёт нам что-нибудь!». И гости подхватывают, исправляя: «Ах, в самом деле, спой же, *Нина*, спой». И в самой фамилии Нины – Арбе – *нина* заложен этот роковой акцент.

Она же остаётся, по сути своей, *Настасьей Павловной*, в то время как Арбенин видит *Нину* и находится под роковой властью этого имени-маски, этого мифа, сам не замечая того. Потому что давно уже живёт в мире, где все – маски, где всё «живёт только поддельным светом, украшается только поддельными цветами, говорит поддельным языком и любит поддельной любовью»* [5] В качестве примера приведу пару имён, в которой Пеньковский выделяет целых три семантических плана антропонимических масок: князь Звездич и баронесса Штраль.

План первый. Единство и взаимосвязь семантики, отражающие взаимосвязь и единство образов-персонажей, её носителей (Звездич – «звезда», Штраль – от немецкого слова *strahl* – «луч»): тут и отношение персонажей к жизни, и их поведение, и даже симметрия в эпизодах (*Нина* приезжает к Баронессе и сталкивается с Князем; Арбенин приезжает к Князю и сталкивается с Баронессой и т.д.).

План второй. Имена эти связаны с осознанием элементов семантического поля «свет» (ср.: звезда – луч – свет – блеск – сияние и т.п.). Бал характеризовался, прежде всего ослепительным светом тысяч свечей, совершенно контрастным скромному освещению в быту. Так, на освещение «самое блистательное, равно и наружную иллюминацию» (С. 42.) для бал-маскарада в Московском Благородном собрании 6 сентября 1826 года было израсходовано 13400 рублей серебром. И весь этот свет преломлялся в роскошной обстановке, хрустале люстр, украшениях дам, орденах и эполетах военных. Вспомним, у Баратынского в поэме «Бал» (1825-26 гг.): «Пылает тысячью огней / обширный зал...» Или в письме Ф.И. Тютчева – жене (1856): «Я только что вернулся с этого пресловутого маскированного бала – *весь этот блеск*, всё это движение...» (С. 43).

Но всё это великолепие – лжесвет, обманно называющий себя светом, искусственный, как стразы, а не подлинные бриллианты, – блистательные имена Звездич и Штраль.

Третий план преобразует подлинный *свет* в понятие «светское общество». А оно видится ледяным, беспощадным, удушливым, полным могильного холода, омутом, «где с вами я купаюсь, милые друзья» (Пушкин). Для Лермонтова общерусское слово «свет» безнадежно дискредитировано его вторым переносным значением до такой степени, что он часто заменяет это слово словом «луч», в понятии сам свет, а не узкая его полоска, «И утра луч и мрак ночей» («Демон», 1838).

И в «Маскараде» идёт развенчивание поддельного сияния и света. «Звездич» – прямая аналогия с представителями сербских фамилий при дворе, из рук Екатерины II получивших дворянство и высокие титулы, как, например, её недолгий (1777-1778) фаворит Семён Гаврилович Зорич (1743-1799), скандально известный картёжной игрой, в которой он спустил всё своё состояние. Имя стало нарицательным. «Новая рождением знатность (и чем новее, тем знатней)», – как писал Пушкин, – не давала, тем не менее, права *Звездичу* именоваться *князем*, титулом наследственным, это поддельный князь. Точно так же, как баронский титул можно было не только получить за заслуги, но и купить за деньги. Вспомним, в «Княгине Лиговской»: «толстый господин, который был по какому-то случаю бароном».

И самое главное, титул барона не давал его носителям права на почётное величание ни со *светлостью*, ни с *сиятельством*. «Баронесса Штраль, таким образом, на самом деле и не совсем баронесса, и совсем не *сиятельство* (не Штраль!), и, значит, не звезда, хотя и принадлежит к числу тех, кого в этом лживом мире называли звёздами». (С. 50-51). Это чужие, не свои имена – как и Шприх, Казарин, как ... Нина – и чужие имена моделируют чужой мир, неприемлемый для жизни, это понял ещё четырнадцатилетний Лермонтов, изменив в своём переводе шиллеровскую «Эмму» на «Нину» («К Нине», 1828), и потому в этом переложении появляется:

«Но, увы! ты любишь свет:
И любви моей как нет!»

вместо, скажем, дословного перевода, сделанного Жуковским:

«Ты живёшь в сиянье дня,
Ты живёшь не для меня». (С. 58-59).

И вот в «Маскараде» произошло «роковое отождествление имени и объекта наречения. Заменяя по ложному уставу света «грубое» имя своей жены модным светским именем, перекрестив её из простой русской провинциальной Настасьи в столичную великосветскую бально-маскарадную Нину, Арбенин и увидел в ней мифологическую *Нину* своего времени». (С. 65). «Вот почему в «Маскараде» рядом с Арбениным – Отелло и Ниной – Дездемоной нет своего персонифицированного Яго. Его убийственную роль выполняет инкорпорированный в сознание Арбенина миф о *Нине*, враг невидимый и бесплотный, действующий как безличная сила и потому ещё более разрушительно и неотвратимо. Даже с самым опасным человеком можно ещё бороться и можно рассчитывать победить. Миф (во всяком случае, до поры до времени) непобедим». (С. 80).

Таковы некоторые мысли названной книги, которыми мне захотелось поделиться. Присоединяюсь к словам В.Н. Топорова из предисловия к ней: «тема Нины обдумывалась и мною, но после появления Вашей книги «моё» полностью, утонув, растворилось в Вашем». (С. 18).

Примечания:

1. Пайков Н.Н. Доклад на конференции «Русская усадьба XVIII – начала XX века. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации». 4 июля 2002 года, г. Ярославль.

2. Белова Л.А. Александра и Михаил. Последняя любовь Лермонтова. М.: Профиздат, 2005.

3. Пеньковский А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. Изд. 2, испр. и доп. М.: Индрик, 2003. Приводимые в тексте доклада цитаты даются по этому изданию с указанием страницы.

4. Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. Мюнхен, 1985.

5. Соллогуб В.А.. Большой свет // Отечественные записки. 1840. N 9. С.40.

Александра Коваленко
(Пятигорск)

Главный хранитель

Когда-то писатель Лев Николаевич Толстой сравнил людей с реками. Одни – шумные, бурные, другие – величаво спокойные в своей мощи. Есть и небольшие ручьи, изо дня в день журчащие по камням. Иногда досадно бывает: то берег у речки обрывист, то на другую ее сторону перебраться трудно, а то еще чем-нибудь мешает водный поток. Но вот пересохнет ручей, обнажится его дно. Глядишь – чего-то и не хватает, да и большая река, куда стремились его воды, оказывается, меньше стала. И вдруг начинаешь понимать великую значимость малого ручья...

Вспоминая Сергея Ивановича Недумова, главного хранителя фондов музея «Домик Лермонтова», невольно сравниваешь его с таким речным потоком. Недумова уже давно нет, а музейные работники до сих пор называют его по имени-отчеству: «У Сергея Ивановича написано так-то», «этот документ обнаружил Сергей Иванович...». Хоть и не осталось уже в музее людей, которые с ним когда-то работали. Но кто бы ни обращался к теме «Лермонтовский Пятигорск», не обходится без трудов главного хранителя. Да и в других областях лермонтоведения и краеведения Сергеем Ивановичем сделано немало...

Он родился 21 марта 1884 года в Ростове Ярославской губернии в семье учителя русского языка. Отцу хватало средств на то, чтобы его сын получил образование в Варшавской гимназии, а в конце 1907 года окончил экономический курс Петербургского политехнического института, по финансово-экономическому отделению. Десять лет проработал Сергей Иванович делопроизводителем в Петербурге, в департаменте Государственного казначейства и канцелярии Государственного контроля. Пенза, Тамбов, Ставрополь – вот те города, куда бросала его судьба после революции. Как отмечено в его личном деле «с 1 сентября 1918 года, в той же должности работал в отделе личного состава народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции и с 7 декабря того же года инструктором». (ГАСК, ф. Р-1131, оп.1, л.х. 497а л.4 об.). В юго-восточном управлении шоссейных и грунтовых дорог он служил контролером. В 1922 году Недумов окончательно поселился в Пятигорске. Он поступил на службу в Управление Кавказских Минеральных Вод, где 22 июля 1922 года был назначен на должность делопроизводителя, а в декабре заведующим подотделом личного состава Управления. По совместительству с 31 декабря стал работать и секретарем штатной комиссии. (Там же, л.6).

Дальнейшие семнадцать лет его жизни протекли за канцелярским столом счетного работника Пятигорского курорта. И неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Сергея Ивановича, если бы не направили его на короткий срок заведовать архивом бывшего Управления Кавказских Минеральных Вод. Произошло это в августе 1923 года, а через год он был

перемещен на вакантную должность архивариуса. (Там же, л. 7). Вдруг неожиданно перед прекрасно образованным, глубоко эрудированным человеком, прежде тянувшим унылую лямку бухгалтера, открылся новый мир. Несколько лет новой удивительной жизни прошли среди старинных пожелтевших рукописей. Они рассказывали их исследователю о давно ушедших людях — имена некоторых были вовсе ему незнакомы, о прежней жизни курортных городов. С совершенно другой стороны открылся М. Ю. Лермонтов и его последние дни в Пятигорске.

Скучная бухгалтерская жизнь закончилась 20 ноября 1939 года, когда на стол директора музея «Домик Лермонтова» легло заявление Недумова: «Прошу предоставить мне работу по обследованию архивных материалов времени Лермонтова. В течение трех лет я заведовал архивом б. Управления Кавминвод и хорошо знаком с литературой о Лермонтове». Так в «Домике Лермонтова» появился новый консультант-литературовед.

Была еще одна причина появления Сергея Ивановича в музее «Домик Лермонтова». Его директор Елизавета Ивановна Яковкина была с ним хорошо знакома: в начале 20-х годов они были коллегами - одновременно работали в Управлении Кавказских Минеральных Вод. Яковкина знала, кого она пригласила в музей на должность научного сотрудника.

Только человек, любящий свое дело, может за короткий срок буквально горы своротить. Сергей Иванович любил людей, поэзию Лермонтова и за последующие полтора года подтвердил это. Обладая огромными и разносторонними знаниями, исключительной работоспособностью и умением организовать свой труд (в этом, очевидно, сказался многолетний опыт бухгалтерской профессии), он произвел научную обработку всех экспонатов музея. Ознакомившись с фондами центральной городской библиотеки, нашел здесь свыше ста книг с материалами о Лермонтове, которые затем передали в музей. И в это же время в краевом архиве Сергей Иванович обнаружил документы, позволившие точно установить время пребывания поэта на Кавминводах в разные годы, нашел материал о лицах из окружения Лермонтова и истории Пятигорска и Кисловодска. В одном из номеров газеты «Орджоникидзевская правда» за 1940 год были опубликованы сенсационные сведения о находке Недумовым первой лермонтовской публикации. В журнале «Атеней» за 1830 год он обнаружил юношеское стихотворение поэта «Весна». До этого времени первым произведением Лермонтова, появившимся в печати, считалась поэма «Хаджи-Абрек», с которой читатели ознакомились в 1835 году.

В его дальнейшей музейной работе большое значение имели знания четырех иностранных языков: английского, французского, греческого, латыни. Это позволило Недумову переводить авторов, не публиковавшихся на русском языке.

В 1941 году в нашем городе готовились отметить столетие со дня гибели Лермонтова. Приводили в порядок лермонтовские места. Именно архивные находки музейного консультанта-литературоведа позволили провести реставрацию беседки «Эолова арфа» и составить план воссоздания прежнего

облика пятигорской Ресторации. Да и по сей день недумовские открытия позволяют реставрировать памятники старины в Пятигорске и Кисловодске.

Это Сергей Иванович восстановил в музее порядок, заведенный еще в 1915 году его попечителем Д. М. Павловым. Ни одно сообщение о каких бы то ни было материалах, имеющих отношение к Лермонтову, не оставлял без того, чтобы не обратиться к владельцам с просьбой прислать с них хотя бы фотокопии. Так музей пополнился значительным количеством экспонатов.

Изучая архив бывшего Управления Кавказских Минеральных Вод, Недумов сделал многочисленные копии с различных документов. Ценность такого труда огромна уже потому, что архив сгорел во время Великой Отечественной войны. И теперь ряд документов сохранился лишь благодаря записям в старых пожелтевших тетрадках Недумова.

В музее у Сергея Ивановича произошла еще одна встреча. Чуть раньше него по приглашению Яковкиной пришел работать молодой человек, подававший большие надежды – Олег Попов. Несмотря на большую разницу в возрасте и те трудности, которые выпали затем на долю каждого из них, они оставались друзьями до последних дней жизни Недумова. Это подтверждают теплые, участливые письма Сергея Ивановича к О.П. Попову, к счастью сохранившиеся.

Началась война... В октябре 1941 года штаты музея сократили, Недумова уволили. Материально им с женой было очень трудно. И все же во время оккупации Пятигорска он ни одного дня не работал на немцев. Морально было тоже тяжело: единственный сын Анатолий, студент четвертого курса Ленинградского института советской торговли, в первые дни войны ушел воевать. С апреля 1942 года о сыне не было никаких сведений. Лишь по окончании войны стало известно о его гибели...

В первые же дни после освобождения Пятигорска в январе 1943 года Сергей Иванович вновь вернулся в музей, хотя и пришлось несколько месяцев работать бесплатно. В материальном отношении было по-прежнему тяжело. В архиве директора «Домика Лермонтова» Е. И. Яковкиной хранится черновик письма, в котором она рассказывала своему адресату о посещении музея Климентиной Черчилль, председателем британского комитета «Фонд помощи России» в 1945 году. Ожидая знатную гостью, сотрудники вышли ее встречать, все, кроме Недумова: он стеснялся своей обуви и одежды...

Мог бы Сергей Иванович устроиться лучше? Наверное, да. Ведь он был профессиональным бухгалтером. Но музей наш имеет, наверное, какую-то необъяснимую притягательную силу, что заставляет его работников не ставить на первое место материальные блага, а двигаться к более высоким, духовным и нравственным целям. Да и сам Сергей Иванович был уже заражен вирусом поиска неизвестного. Тбилиси, Нальчик, Ленинград, Ставрополь — архивы, хранящиеся в этих городах, были изучены самым тщательным образом.

В первом из сохранившихся писем к Олегу Пантелеймоновичу Попову, в июле 1956 года Недумов дает своему младшему другу краткий отчет о своей

работе: «Грустно, что за последние пять лет научная работа у нас по разным причинам отодвинута на задний план, а для меня она всегда представляла наибольший интерес, и до 1952 года я более или менее успешно продолжал начатые при Вас архивные изыскания. Помимо Кавказских архивов в Ставрополе и Тбилиси, я побывал почти во всех Московских хранилищах и в 1951 году закончил Ленинградским Историческим архивом в бывшем доме Лавалья, где у Лермонтова произошло столкновение с Барантом. Больше всего достижений у меня по окружению поэта, но и о нем самом мне удалось найти некоторые сведения из времен его раннего детства, пребывания в юнкерской школе и последнего периода его жизни». (ГМЗЛ, фонд О.П. Попова).

Несколько лет назад у нас появилась необходимость уточнить выходные данные документов, изученных Сергеем Ивановичем в Ставрополе, так как там изменилась нумерация документов. Когда письменный стол исследователя заполнился ворохами объемистых рукописных архивных дел, стало понятно, сколь гигантский труд проделал когда-то Недумов. Среди многих тысяч исписанных разными трудночитаемыми почерками документов он находил единственный, нужный ему. Сколько было исследовано таких дел – сказать сейчас невозможно.

С 1945 года шестнадцать лет Сергей Иванович проработал главным хранителем фондов музея. Знакомы с ним были многие исследователи. Он не хранил в тайне свои находки. В книгах И. Андроникова «Лермонтов в Грузии в 1837 году» и Б. Штейнпресса «Алябьев в изгнании» можно прочесть слова теплой признательности авторов за полученные ими от Недумова ценные сведения. Фактически наставником Сергей Иванович стал и для наших краеведов супругов Польских, подсказывая им темы и направления поисков. Много полезного почерпнула от него творческая группа, которая снимала в Пятигорске в 50-е годы кинофильм «Княжна Мери». В это же время газета «Пятигорская правда» постоянно публиковала интереснейшие очерки Недумова о старом городе лермонтовского времени. В музее хранится рукопись книги Недумова «Лермонтовский Пятигорск», куда вошли его многочисленные архивные находки. Он подготовил ее к печати, но читатели ознакомились с ней лишь спустя 11 лет после смерти автора.

Наверное, такова судьба скромных тружеников, да еще увлеченных любимым делом. Их подвижнический труд зачастую расценивается окружающими как само собой разумеющееся. А они не заявляют громко о своих открытиях, не требуют наград. Спокойно и тихо делают свое нужное, важное дело. И все-таки государство «оценило» труд Недумова, в 1957 году он был награжден... орденом? медалью? Нет, значком «За отличную работу» Министерства культуры СССР. Хотя позади было семьдесят три года жизни и десятки лет упорного труда поисков, интереснейших находок...

Музейная молодежь любила и уважала Сергея Ивановича, многие сотрудники обращались к нему за советом и консультацией. Но начальство относилось к нему с раздражением, хотя и вынуждено было иногда объявлять благодарности. Очень осторожные высказывания о том, что в

музее мало занимаются научной работой, неслучайны. В 1951 году на посту директора Яковкину сменила А.И. Гребенкова, человек совсем другого плана, с которым у Недумова отношения не сложились. Л.Н. Польский рассказывал, как жаловался Сергей Иванович на притеснения со стороны директора, бывшего партийного работника, вероятно, так до конца и не понявшего, какую ценность имели труды С.И. Недумова.

Справедливости ради скажем, что заслуги директора музея А. И. Гребенковой перед «Домиком Лермонтова» огромны. Просто была, очевидно, психологическая несовместимость. Слишком разными они были людьми – Александра Ильинична и Сергей Иванович. Все больший и больший объем работы поручался Недумову. А ему так хотелось закончить книгу! Да и в фондах было уйма работы: поступила сюда библиотека профессора Л. П. Семенова, и ее нужно было обработать. Кропотливого труда требовало описание музейных коллекций. Но ему вменили в обязанность принимать еще многочисленных посетителей в фондах, давать справки, консультации, проводить экскурсии. Это отнимало массу драгоценного времени. А когда от него потребовали заняться еще и реставрацией фондов, он написал директору письмо: «Ни о каких дальнейших нагрузках на меня при моем более чем почтенном возрасте говорить не приходится, и я охотно при первой возможности передам свою должность более молодому и работоспособному кандидату». (Архив ГМЗЛ).

21 января 1961 года Сергей Иванович освободил свой письменный стол для нового главного хранителя. Кстати, тем же годом датируется и его последнее, из известных нам, послание к О.П. Попову. Это открытка с изображением кабинета Лермонтова в «Домике» – новогоднее поздравление от 27 декабря 1961 года: «У меня с каждым днем все более сказывается мой более чем почтенный возраст, но я все-таки продолжаю в свободное время разбирать свою домашнюю библиотеку и пока не скучаю» (фонд О.П. Попова).

Не смог он жить без музея, без Лермонтова, до конца своих дней работал над рукописью книги. В 1963 году Недумова не стало. К счастью, труд Сергея Ивановича не пропал даром. Ценнейший его архив родственники передали в музей вместе с рукописью «Лермонтовского Пятигорска». И сюда же передали его библиотеку с уникальными изданиями. Мы сейчас не мыслим свою работу без архива С.И. Недумова. И о его книжном собрании тоже хочется немного рассказать.

Научная библиотека музея – особый раздел в музейных фондах. Когда в 1912 году Пятигорская городская дума выкупила бывшую усадьбу Чилаева у частного лица, сразу же было решено создать здесь Лермонтовскую общественную библиотеку. Но формироваться она начала лишь в 1915 году. Музей приобретал книги, их дарили, либо передавали необходимые издания из других библиотечных хранилищ.

После смерти Сергея Ивановича, по его завещанию родственники бывшего главного хранителя передали в музей 621 издание, которые составили особый, библиотечный фонд С.И. Недумова. И хотя это, на первый взгляд,

небольшое собрание по количеству, но по качеству оно уникально. Сергей Иванович прекрасно знал, что он передает в музей. Благодаря его собранию библиотека пополнилась ценнейшими изданиями. Последние из них в книжной коллекции С.И. Недумова датируются 1962 годом. Это «Герой нашего времени», подготовленный к изданию Академией Наук СССР в серии «Литературные памятники» лермонтоведами Б.М. Эйхенбаумом и Э.Э. Найдичем (М., 1962) и «Рассказы литературоведа» Ираклия Андроникова.

Самая «древняя» книга датируется 1763 годом. Коллекцию обозначить по разделам: Лермонтовские издания, книги о Лермонтове, издания А.С. Пушкина, книги о Пушкине, книги о русской литературе – советские и дореволюционные, издания произведений русских писателей – Гоголь, Грибоедов и другие. Издания по истории КМВ (путеводители и др.), путеводители по разным городам, издания по музыковедению, издания по языковедению, издания по истории театра, издания по искусствоведению, издания на французском языке.

Библиотека формировалась, очевидно, на протяжении всей жизни Сергея Ивановича. Она дает представление о нем как о человеке интеллектуальном, широко образованном, имевшем разносторонние интересы: любовь не только к русской литературе, но и к музыке, театру, живописи.

Особо хочется остановиться на путеводителях. Каждый из нас, путешествуя по разным городам, стремится увезти с собой знания о тех местах, где побывал. Лучше всего сделать это, приобретя путеводитель. Так поступал и Недумов. География и даты этих изданий дают представление о том, где побывал Сергей Иванович. Москва, Ленинград – это не только архивы и встреча с родственниками – сестра жила в Ленинграде, а брат в Москве. Это еще и музеи, театры, концертные залы... Поистине, скажи, что ты читаешь, и я скажу, кто ты.

Книжная коллекция Недумова не растворилась в общей массе изданий, хранящихся в библиотеке музея-заповедника. На каждой его книжке стоит особый, овальный штамп: «Из собрания С.И. Недумова, переданного в дар музею «Домик Лермонтова».

В 1974 году музей издал работу С.И. Недумова «Лермонтовский Пятигорск». Она сразу же стала настольной книгой для тех, кто изучает старину, и давно уже является библиографической редкостью.

Когда-то старший научный сотрудник музея (ставший затем его директором) П.Е. Селегей опубликовал в «Кавказской здравнице» статью о С.И. Недумове и дал ей теплое название: «Наш Сергей Иванович». «Нашим» он является и для нынешнего поколения музейщиков Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова.

М.Ю. Лермонтов и Костромской край

Лермонтов и Кострома. Эта тема достаточно полно разработана трудами нашего краеведа Александра Александровича Григорова и известна землякам. Костромская земля приняла и взрастила не одно поколение потомков Георга Лермонтова. Сам Михаил Юрьевич в Костромской губернии не бывал, но по сохранившимся в Костромском государственном архиве документам видно, что весь род Лермонтовых издревле, с 1621 года, тесно был связан с костромским краем.

Родоначальник русских дворян Лермонтовых Георг (в России его звали Юрием) участвовал в борьбе против польских интервентов и указом царя Михаила Романова был пожалован дворянским званием. Во вводной грамоте царя, данной ему, в 1621 году пожаловали «усадьбище Кузнецово с деревнями и пустошами» в нынешнем Чухломском уезде. Обосновался он в Измайлове. Правда, жизнь его оказалась короткой: в начале 1634 года ротмистр Юрий Лермонтов погиб под Смоленском. Как полагал Александр Александрович Григоров, похоронили его в Авраамиевом Городецком монастыре, на берегу Чухломского озера.

В дальнейшем потомки Лермонтова обзаводились новыми усадьбами, преимущественно в Чухломском уезде. И род Лермонтовых можно разделить на 4 основных линии, названных по их усадьбам:

«Кузнецовская», по имени первой усадьбы Лермонтовых. Потомок Николай Матвеевич Лермонтов был рожден вне брака от крепостной крестьянки помещика Апухтина, поэтому другие наследники усадьбы Кузнецово его прав не признали. Он умер, не оставив потомства. Усадьба перешла в руки потомков его сестры и других.

«Острожниковская», по имени усадьбы Острожниково в Чухломском уезде, также в 1621 году пожалованной Георгу Лермонту. В середине 17 века его внук Петр Петрович построил в этой деревне «двор помещиков», и на долгие годы Острожниково стало колыбелью многих Лермонтовых. Эта линия сильно разрослась, представители ее ныне живут и в нашей стране, и за рубежом.

«Измайловская», по имени усадьбы Измайлово в том же Чухломском уезде. Из этой линии вышел и поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. В усадьбе, доставшейся роду Лермонтовых через жену Юрия Петровича Лермонтова Прасковью Михайловну Белкину, жили предки поэта вплоть до 1791 года. Позднее дед поэта, Петр Юрьевич, продал все свои костромские именья (в 90-е годы 18 века) и приобрел Кропотовку – имение в Ефремовском уезде Тульской губернии. Мужское потомство «Измайловской» линии пресеклось в 1841 году со смертью М.Ю. Лермонтова. По женской линии родственниками

«Измайловских» Лермонтовых являются Чагины, Свиньины, Свободские.

«**Колотиловская**», по имени усадьбы Колотилово, построенной Юрием Лермонтовым на выменянной у чухломского помещика Перелешина пустоши «Колотилово».

Лермонтовы честно и самоотверженно служили нашему отечеству. Более 300 Лермонтовых были выходцами с костромской земли.

Дед поэта, Петр Юрьевич родился в родовой усадьбе Измайлово в Чухломском уезде. В Галичском уезде ему с братьями принадлежали многие усадьбы: Туровское, Лежнино, Воронино, Никольское и другие. В 1784-1787 гг. он являлся Галичским уездным предводителем дворянства. Свои родовые поместья и усадьбы, находящиеся в Костромской губернии, позднее продал.

Его сыновья Петр и Юрий (Евтихий) также унаследовали усадьбу Острожниково и другие деревни.

Известно, что отец поэта Юрий Петрович считался тульским дворянином. Однако тщательное изучение документальных материалов фондов Костромского архива со всей убедительностью доказывает, что его отец является уроженцем Костромского края.

В селе Никольское он родился и был крещен, о чем имеется запись в церковной книге. Она гласит: «1787 года, генваря 16 дня, мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем о том, что артиллерийского поручика Лермонтова, сын Юрий, точно из дворян, родился в 1787 году декабря 26 числа. В веру греческого исповедания крещен Галицкого уезда села Никольского, церкви Николая Чудотворца священником Иоанном Алексеевым». Таким образом, этот документ убеждает нас в том, что отец поэта родился в Галичском уезде Костромской губернии. В 1762 году село с деревнями принадлежало Александру Петровичу Лермонтову. Здесь у него была усадьба, и он приходился родным братом Юрию Петровичу Лермонтову – прадеду поэта. Юрий Петрович также был депутатом галичского дворянства.

Лермонтовы владели именьями Чахлово и Кубанское Болото в Костромской губернии, а также являлись владельцами деревень в Солигаличском и Буйском уездах.

А вот еще одна нить, связывавшая жизнь Лермонтова с нашим краем. Во время первой ссылки на Кавказ в 1837 году судьба свела его с костромичом генерал-майором Павлом Ивановичем Петровым, который служил в это время начальником штаба войск на Кавказе. Он являлся дальним родственником поэта — двоюродным дядей. Павел Иванович был коренным костромичом. Недалеко от Галича располагалось его родовое имение – Горское. Но родился и жил он после выхода в отставку в усадьбе села Чернышево (на территории нынешнего Кадыйского района). Село Чернышево получил в наследство благодаря другой ветке своей родни – от помещицы Татьяны Ларионовой, которой доводился племянником. Здесь стоял добротный барский дом с богатой библиотекой, в которой, кроме книг, хранились картины – в том числе живописное полотно М.Ю. Лермонтова

«Вид с Мцхеты» – подарок автора. К нынешнему дню ни дома, ни тем более библиотеки не сохранилось. И только могучие деревья старого парка напоминают о былом.

Павел Иванович являлся активным участником Отечественной войны 1812 года, во время которой был награжден несколькими боевыми орденами. С 1818 года началась его служба на Кавказе. Сюда к нему в Ставрополь Кавказский в 1837 году и приехал опальный поэт. На несколько дней он поселился в доме своего дяди. Павел Иванович стал одним из немногих людей, которые смогли понять и оценить талант поэта.

Генерала совершенно не смутило то обстоятельство, что его племянник, подвергшийся царской немилости за стихотворение «На смерть поэта», оказался в положении изгоя. В доме Петровых он нашел и приют, и ласку, и понимание. Это к Павлу Ивановичу обращается поэт в 1839 году в своем стихотворении «Бородино»: «Скажи-ка дядя, ведь недаром...»

Михаил познакомился с его детьми – дочерью Марией и сыном Аркадием. Приезд кузена стал для них животворящим событием. Памятью о пребывании поэта в семье генерала стало шутивное стихотворение, написанное в альбом Аркадию:

Ну, что скажу тебе я спросту?
Мне не с руки хвала и лесть:
Дай бог тебе побольше росту –
Другие качества все есть.

Потом, уже после смерти Лермонтова, бабушка поэта на добрую память о внуке подарила Петрову одну из картин Михаила Юрьевича «Виды Кавказа».

Доподлинно известно, что поэт посылал дяде автограф своего стихотворения «Позднее новоселье».

Последний период жизни Павла Ивановича сложился не очень удачно. Опала, легшая на генерала Ермолова, отразилась и на судьбе его любимца – генерале Петрове. В 1839 году он был переведен с Кавказа в Каменец-Подольск губернатором. Для кадрового военного это было равносильно оскорблению, и Павел Иванович подал прошение об отставке.

В 1840 году он вышел в отставку, и поселился в Костроме на улице Всехсвятской (в настоящее время улица Дзержинского). На лето уезжал в село Горское близ Галича. Было у него и еще одно свое имение – село Чернышево на берегу живописной речки Кусцы, притока Немды перед впадением ее в Волгу. Здесь затеял Павел Иванович строительство ткацкой фабрики. Но дальше возведения стен двухэтажного корпуса дело не пошло. Здание было достроено, но уже как жилой дом, подаренный впоследствии сыну Аркадию. 30 лет прожил он в Костромской губернии, большую часть времени проводя за чтением и написанием мемуаров. К сожалению, до нас дошла только небольшая их часть, касающаяся разбора военных действий на Кавказе. В костромском архиве имеется фонд семьи Петровых.

На всю жизнь Павел Иванович сохранил интерес к русской литературе, выписывал массу журналов, составил прекрасную библиотеку, в ней было немало книг с автографами известных писателей, в частности А.Ф. Писемского, с которым был в дружеских отношениях. Семейный герб Лермонтовых в библиотеке Петровых висел рядом с их семейным гербом.

Скончался он в 1871 году, похоронен на территории Ипатьевского монастыря, рядом находятся могилы его жены и дочери.

Несколько слов о детях генерала. Аркадий свои зрелые годы провел в Костромской губернии, был он увлекающейся натурой, за всякое дело брался горячо, но редко доводил его до конца. Пробовал писать, рисовать, выступать на любительской сцене, заниматься сельским хозяйством. Был избран предводителем дворянства в Макарьевском уезде.

После реформы по освобождению крестьян (в ее проведении Аркадий деятельно участвовал) переехал в Кострому, избирался председателем съезда мировых судей, некоторое время был гласным в городской думе. Но его оппозиционные выступления шли вразрез с официальным направлением в губернской политике, и чиновная Кострома приложила все силы, чтобы как-то затушевать деятельность ретивого «реформатора».

О жизни дочери Марии известно, что она вполне профессионально играла на фортепиано, положила на музыку несколько стихотворений своего кузена. Когда в Галиче 31 января 1847 года на любительской сцене ее брат Аркадий поставил фрагменты из запрещенной к показу драмы Лермонтова «Маскарад», Мария исполняла главную роль Нины. Спектакль удался – молва о нем дошла до столицы и вызвала неудовольствие блюстителей общественных нравов.

Жители современного Галича могут гордиться тем, что первая постановка «Маскарада» прошла не в Малом театре Москвы, не в знаменитой «Александринке», а в их родном городе.

Лермонтов и современность

Несколько лет назад нынешние представители этого рода объединились в Международную ассоциацию «Лермонтовское наследие». Главная цель – это приведение в порядок, восстановление и сохранение мест, связанных с памятью М.Ю. Лермонтова и его рода. Девиз ассоциации: «Изучение истории Фамилии и Рода – это изучение истории Родины».

Лермонтовская ассоциация объединяет более 200 представителей костромского рода Лермонтовых, у нее давно установились прочные связи с Костромой. Огромный костромской лермонтовский род вправе гордиться своими представителями, среди которых были защитники и обустроители древней Костромы. Ассоциация смогла собраться благодаря исследованиям костромского историка и краеведа А.А. Григорова, составившего поколенную роспись рода Лермонтовых. В 1994 году члены этой ассоциации

Кострому, избирался председателем съезда мировых судей, некоторое время был гласным в городской думе. Но его оппозиционные выступления шли вразрез с официальным направлением в губернской политике, и чиновная Кострома приложила все силы, чтобы как-то затушевать деятельность ретивого «реформатора».

О жизни дочери Марии известно, что она вполне профессионально играла на фортепиано, положила на музыку несколько стихотворений своего кузена. Когда в Галиче 31 января 1847 года на любительской сцене ее брат Аркадий поставил фрагменты из запрещенной к показу драмы Лермонтова «Маскарад», Мария исполняла главную роль Нины. Спектакль удался – молва о нем дошла до столицы и вызвала неудовольствие блюстителей общественных нравов.

Жители современного Галича могут гордиться тем, что первая постановка «Маскарада» прошла не в Малом театре Москвы, не в знаменитой «Александринке», а в их родном городе.

Лермонтов и современность

Несколько лет назад нынешние представители этого рода объединились в Международную ассоциацию «Лермонтовское наследие». Главная цель – это приведение в порядок, восстановление и сохранение мест, связанных с памятью М.Ю. Лермонтова и его рода. Девиз ассоциации: «Изучение истории Фамилии и Рода – это изучение истории Родины».

Лермонтовская ассоциация объединяет более 200 представителей костромского рода Лермонтовых, у нее давно установились прочные связи с Костромой. Огромный костромской лермонтовский род вправе гордиться своими представителями, среди которых были защитники и обустроители древней Костромы. Ассоциация смогла собраться благодаря исследованиям костромского историка и краеведа А.А. Григорова, составившего поколенную роспись рода Лермонтовых. В 1994 году члены этой ассоциации участвовали в презентации книги «О Томасе Лермонте – шотландском предке русского поэта».

С Чухломой связано много событий, происходивших в роду Лермонтовых.

На территории Авраамиево Городецкого монастыря были захоронения Лермонтовых, получивших такое право за большую помощь церкви. В 1989 году были обнаружены остатки разрушенных временем и человеческим невежеством надгробных камней с могил Лермонтовых. 24 июля 1991 года оживший Авраамиево Городецкий монастырь посетила большая группа (из 56 человек) представителей рода Лермонтовых, впервые приехавших из разных мест поклониться могилам предков, погребенных в стенах обители. В 1996 году представители ассоциации в связи с 400-летием со дня рождения основателя русской ветви этого рода Георга Лермонта предложили возвести в монастыре памятную часовню.

1 августа 1996 года архиепископ Костромской и Галичский Александр совершил ее торжественную закладку. Автор проекта – проживающий в США член ассоциации Михаил Александрович Лермонтов. Летом 1997 года часовня Воскресения Христова была возведена, и 21 сентября в присутствии членов ассоциации во главе с ее президентом Михаилом Юрьевичем Лермонтовым архимандрит Никандр совершил ее освящение.

В Часовне ежегодно проходят панихиды по поминальному списку Лермонтовых, Рузских, Пушкиных, Катениных, Сальковых – всех представителей рода Лермонтовых, удостоенных чести быть похороненными на территории монастыря. Среди них:

Сергей Михайлович и Елена Васильевна Лермонтовы, Николай Петрович Лермонтов и его жена Мария Васильевна.

В июле 2001 года, в канун 160-летия со дня трагической гибели великого русского поэта, при расчистке канала для Купальни у Святого источника была извлечена основная часть памятника в виде каменной колонны с надписью.

Сегодня рождаются чухломские Лермонтовы, среди которых Евгений Борисович Лермонтов, его дети. 14-летний Михаил Юрьевич и его брат, 9-летний Андрей Юрьевич Лермонтовы живут с родителями в Костроме.

Члены ассоциации побывали в селе Измайлово (под Судаем, что в 25 км от Костромы), на месте бывшей усадьбы, где отныне стоит большой камень с надписью «Здесь находилось родовое поместье Лермонтовых».

В селе Никольском на родине отца был поставлен памятный знак об отце поэта в виде деревянного креста у дороги, позднее галичские школьники перенесли его в само село, к разрушенному храму. Это подвигло ребят к его восстановлению.

Заехали в усадьбу Следово близ Костромы, хозяевами которой были Павел Петрович Карцев и Александра Федоровна Сумарокова – внучка Елизаветы Николаевны Лермонтовой и племянница поэта. Вместе с мужем она стояла у истоков создания первой в России женской гимназии, построенной в Костроме по инициативе и на деньги костромского помещика Александра Николаевича Григорова. В усадьбе 27 июля 2001 года было посажено от имени различных ветвей и поколений Лермонтовского рода 11 елей. Сегодня усадьба живет исследовательской, воспитательно-просветительской жизнью, на ее территории действует Биологический центр департамента образования Костромы. Недавно вышла замечательная книга «Усадьба Следово».

Члены ассоциации присутствовали на торжественном открытии выставки «Лермонтов и Костромской край», проходившей в литературном музее. Выставка состояла из 2 частей: Лермонтов и костромские краеведы, и костромичи, знавшие поэта.

Галина Николаевна Маслова, вице-предводитель Костромского дворянского собрания, внучка Александра Александровича Григорова, как всегда, удивила своим кулинарным искусством. Она испекла торт «Лермонтовское наследие». Бисквитный свиток и шоколадная гербовая печать означали

соединение ушедших предков и живущих ныне Лермонтовых. Торт был украшен плодами, которые употреблялись в 16 веке, когда было положено начало роду Лермонтовых на костромской земле. Устраивая презентацию торта, Галина Николаевна задала вопрос: «С чем связана символика торта?». На него дал правильный ответ сын президента Лермонтовской ассоциации Юрий и получил шоколадную медальку в качестве приза.

Маша Королева, приехавшая из Москвы, урожденная Рузская, которая тоже имеет отношение к роду Лермонтовых, преподнесла в дар музею 12 томов произведений Гиляровского.

Известный скульптор Яков Николаевич Купреянов и его помощник Ю.С. Ершов передали в Кострому макет памятника Ивану Сусанину «Жизнь за царя», который должен быть восстановлен в Костроме. Он – сын известного костромичам художника-графика Николая Купреянова, родственника Павлы Лермонтовой.

В исторической библиотеке Дома Романовых в 2003 году прошла презентация книги «Поколенная роспись рода Лермонтовых». Книгу представляли художник Дмитрий Евгеньевич Семенов и Галина Николаевна Маслова.

10 августа 2005 года библиотека участвовала и победила в городском конкурсе «Костромские дворики» в номинации «Семейный альбом». Художник, мастер гобелена Елена Владимировна Семенова рассказала о своем роде по отцу – дворянах Сальковых, имеющих родовые связи с Лермонтовыми.

В муниципальном информационном центре, который занимается краеведением, собран большой материал по теме «Лермонтов и Костромской край». Есть папки «Литературная Кострома», «Усадьбы», «Участники великих сражений», «Храмы области», где также прослеживается связь семьи Лермонтовых с нашим краем.

Библиотека - филиал имени М.Ю. Лермонтова в Костроме

Библиотека была основана в 1955 году. Имя великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова было присвоено ей в 1964 году в связи со 150-летием со дня рождения. Перед нашим коллективом встал вопрос: что можно сделать в обыкновенной библиотеке, работая над лермонтовским наследием?

Мы справедливо полагали, что в библиотеке, носящей имя Лермонтова, должна быть собрана более полная информация о поэте. Стремясь соответствовать присвоенному почетному имени, мы решили открыть клуб любителей поэзии «Лира». С 1978 года он начал свою работу. Актив клуба не только поддержал нас, но и согласился принимать самое активное участие в проведении и планировании мероприятий. На них присутствовали почитатели поэта, все, кто интересовался его творчеством. Этот клуб позднее преобразовался в «Лермонтовский салон».

В этом году в нашем салоне мы провели музыкальный вечер на тему «Стихи русских поэтов, ставшие песнями», а помогли нам его подготовить сотрудники музея «Ипатьевский монастырь». Были использованы грамзаписи известных певцов и музыкантов, выступавших в Костроме в середине 19 века, афиши и программы концертов. Звучали арии из опер и романсы на стихи Лермонтова. После вечера была возможность записать понравившиеся произведения себе в домашнюю фонотеку.

Таким же интересным событием в «Лермонтовском салоне» стал литературный вечер «В веселом вихре бала...», посвященный маскарадам лермонтовской поры. В нем принимали участие школьники лицея. Девочки в бальных платьях, мальчики в военной форме танцевали вальс, полонез, мазурку, читали отрывки из драмы «Маскарад» и стихи поэта.

15 октября ко дню рождения М.Ю. Лермонтова в библиотеке прошел литературный час «Мой гений веки пролетит». Читальный зал был оформлен предметами интерьера лермонтовской эпохи, учащиеся техникума прочитали стихи русских поэтов, посвященных Лермонтову.

В читальном зале оформлена постоянно действующая книжно-иллюстративная выставка «М.Ю. Лермонтов. Судьба поэта» и стенд «Родословная рода Лермонтовых».

К нам за справками часто обращаются школьники, студенты, преподаватели и просто те, кто любит творчество поэта. Большую помощь при выполнении справок нам оказывает архив газетно-журнальных статей. В настоящее время он размещен в нескольких папках. Например, популярны такие папки, как: «Лермонтов и костромской край», «Эпоха Лермонтова и его окружение», «Лермонтов в живописи и музыке». Справочно-библиографический аппарат библиотеки включает в себя справочно-библиографические издания, библиотечные каталоги и картотеку о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. Назову лишь некоторые разделы картотеки:

- Древо рода Лермонтовых
- Музеи-усадьбы и родовые имения Лермонтовых
- Жизнь и творчество поэта
- Лермонтов в живописи
- Лермонтов в музыке

В 2004 году в нашей библиотеке состоялась интересная встреча с Адой Артуровной Лорер-Шухман, которая являлась потомком декабриста Николая Ивановича Лорера. Она рассказала о родословной своей семьи, о встречах своего предка с М.Ю. Лермонтовым.

В дальнейших планах коллектива библиотеки – продолжить просветительскую работу, связанную с лермонтовским наследием.

Литература:

1. Арямова В. Михаил Лермонтов мог родиться в Галичском уезде, и звали бы его Петром // Северная правда. 2001. 30 июня. С. 6.
2. Волков Ф. Костромские корни рода Лермонтовых // Северная правда. 1990. 1 июля.
3. Воронцов И.В. Поколенная роспись рода Лермонтовых. М: Типография «Новости», 2004.
4. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993.
5. Григоров А., Соболев В. М.Ю. Лермонтов и Костромская земля: к 170-летию со дня рождения поэта // Северная правда. 1984. 25 марта.
6. Лермонтов и Костромской край: к 160-летию со дня рождения поэта // Северная правда. 2001. 18 июля. С. 3.
7. Муренин. Н. Путь в усадьбу Лермонтовых писателя и краеведа А.Н. Крюкова // Губернский дом. 2001. N 3. С. 13.
8. Пашин В. Скажи-ка, дядя...: забытые имена. Генерал Петров, дядя Лермонтова // Северная правда. 2002. 25 октября.
9. Пашин В. Славное древо рода Лермонтовых возшло и разветвилось на костромской земле // Хронометр. 2001. 18 июля.

Римма Корнякова
(Санкт-Петербург)

**Опыт работы Центральной библиотеки
имени М.Ю. Лермонтова в Санкт-Петербурге в рамках проекта «М.Ю.
Лермонтов. Наследие»**

Деятельность наша проводится по двум направлениям: это культурно-просветительская миссия и сохранение лермонтовского наследия. Но прежде хочу прочесть Вам выдержки из статьи литературоведа Юлии Барановой, опубликованной в Санкт-Петербургских ведомостях в 2001 году: «Я считаю, что Петербург в долгу перед поэтом. В нашем городе нет даже его музея-квартиры, а только Лермонтовский зал в Институте русской литературы (Пушкинский дом). Лермонтова помнят и чтят в Москве – там есть дом-музей; на родине в Тарханах, где прошло его детство, в небольшом приморском посёлке Тамань, где он пробыл три-четыре дня, и то имеется дом-музей и, конечно, на воспетом им Кавказе, в Пятигорске. В этом списке нет только Петербурга...». Это действительно так, после упразднения Николаевского кавалерийского училища, в котором находился Лермонтовский музей, как такового музея или музея-квартиры М.Ю. Лермонтова в нашем городе нет. И, поверьте, это очень обидно. В Петербурге работают крупные научные центры по изучению лермонтовского наследия и его жизни – это Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский дом), Санкт-Петербургское отделение Ассоциации «Лермонтовское наследие», кафедры литературы университетов и институтов. Мы, как публичная библиотека, смогли стать самой доступной для широкой аудитории площадкой, представляющей и объединяющей самые различные социальные слои населения, всех тех петербуржцев, кто интересуется творчеством М.Ю. Лермонтова. Наша библиотека носит имя великого поэта с 1964 года, года 150-летия М.Ю. Лермонтова. В год 190-летия поэта в 2004 году в нашей библиотеке проходил круглый стол, на котором обсуждались проблемы сохранения лермонтовского наследия.

Существенной особенностью Лермонтовских дней этого года является то, что была предложена программа не только для самых широких слоев населения, но и для специалистов в области лермонтоведения. Впервые за последние 10 лет в Петербурге прошли Лермонтовские чтения с участием известных в настоящее время лермонтоведов Петербурга, Москвы, Пензы. Мы были счастливы видеть среди участников наших чтений Владимира Александровича Захарова, Ольгу Валентиновну Миллер, Ивана Павловича Щерблякина и других. Чтения предполагали некоторый научный подход к изучению наследия поэта, а также были призваны обозначить проблемы современного лермонтоведения. По мнению специалистов, упущенное в годы перестройки время способствовало появлению желающих интерпретировать лермонтовское наследие по-своему, не опираясь на предыдущие исследования и труды. Эта тенденция несёт в

себе опасность. Специалисты готовы и к последующим встречам в Петербурге. В Северо-Западном регионе город вполне мог бы стать центром торжеств по случаю 200-летия Лермонтова в 2014 году.

Внимание гостей Лермонтовских дней была предложена выставка «Иллюстрации к книге Виктора Андрониковича Мануйлова «Лермонтов в Петербурге», автор иллюстраций – Бажанов Герман Викторович, по образованию инженер-строитель. Книжная графика — это его хобби, иллюстрировал несколько книг, но основные его работы не издавались. Перед Вами выставка портретов «Род Лермонтовых», генеалогическое древо рода Лермонтовых – также подготовленная нашей библиотекой для читателей. Мы подготовили и выпустили карту «Лермонтовские места в Петербурге». Карта имеет размер 4 на 3 метра и размещена в Центральной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова. Её уменьшенную копию, с комментариями, мы дарим Лермонтовской библиотеке в Ярославле.

Помимо Чтений в Лермонтовские дни для горожан была предложена уже ставшая традиционной пешеходная экскурсия «Лермонтовский Петербург», ведущий – Арсений Семёнович Дубин – историк, писатель, краевед. Желаящих узнать новое по этой теме с каждым годом становится всё больше и больше. Отрадно, что среди них есть школьники и молодые люди. И в перспективе мы планируем сделать подобные экскурсии регулярными и не только пешеходными, но и автобусными, то есть экскурсия «Лермонтовский Петербург» может стать одним из маршрутов, которые предлагает город для туристов.

И ещё одна традиция Лермонтовских дней – церемония возложения цветов к памятнику М.Ю. Лермонтова на Лермонтовском проспекте в День рождения поэта. Это всегда очень торжественное и красочное мероприятие и в каждом году с новым сценарием, находками, идеями. В этом году у памятника звучали стихи и романсы под гитару, танцевальный парафраз под музыку Хачатуряна исполнили студенты Университета культуры и искусств. Церемония проходит на территории Адмиралтейского района Санкт-Петербурга и активное участие в ней принимает администрация района и лично заместитель главы Любимов Александр Борисович. Все вместе – это призыв к горожанам отдать дань памяти Великому сыну России.

Когда мы говорим о сохранении Лермонтовского наследия, речь идёт о том, что многое ещё предстоит сделать, в частности, в области переиздания произведений М.Ю. Лермонтова. Об этом нужно говорить сейчас, не дожидаясь очередной юбилейной даты. Уже просто потому, что мы, как потомки, являемся преемниками оставленного нам наследия, и от того, сумеем ли мы сохранить и донести его до подрастающего поколения, во многом зависит, каким вырастет это поколение.

Для решения этих проблем необходимо объединить усилия. Библиотека постепенно становится таким связующим звеном между лермонтоведами, краеведами, писателями, издателями. Думаем, что благодаря этому фонды библиотек смогут пополниться не только новыми книгами произведений М.Ю. Лермонтова и литературой о нём, но и аудио, видео, CD, DVD

материалами, картами, графикой, рисунками и иллюстрированными материалами. Что касается собственной нашей издательской деятельности, мы не выпускаем никаких фундаментальных трудов, научных сборников. Но в сотрудничестве с авторами-лермонтоведами можно планировать выпуск небольших сборников статей. Так, например, в этом году была предпринята попытка, собрать разрозненные материалы, связанные с именем М.Ю. Лермонтова, опубликованные автором, другом библиотеки Белавкиным И.П. в различных изданиях в разные годы или публикующиеся впервые. Так появился сборник статей «Из истории рода Лермонтовых. Архивные находки».

По итогам чтений готовится выпуск Альманаха – Сборника статей лермонтоведов. К 190-летию Лермонтова был выпущен библиографический указатель. Конечно, наиболее полным библиографическим указателем литературы, посвященным жизни и творчеству поэта, является пособие, составленное известным петербургским лермонтоведом Ольгой Валентиновной Миллер (членом редколлегии «Лермонтовской энциклопедии»), в трех изданиях которого охвачен, в общей сложности, огромный хронологический период с 1825 по 1991 годы. Сотрудники библиотеки имени М.Ю. Лермонтова подготовили библиографию, не претендующую, безусловно, на полноту охвата материала, но всё же представляющую книги и публикации, вышедшие в печати с 1980 по 2004 год, во всём многообразии тем и жанров: переиздания известных трудов и новейшие исследования, работы литературоведов России и зарубежных стран, художественные труды, анализ особенностей поэтического языка Лермонтова и новые версии его гибели. Работа по внесению дополнений в библиографию по Лермонтову продолжается сегодня уже в электронном формате – создаётся полнотекстовая база данных журнальных статей.

В ближайшей перспективе выпуск информационного CD «Лермонтовский Петербург». Карта «Лермонтовские места в Петербурге» позволяет совершить заочную экскурсию.

Наследие Лермонтова обширно и многогранно, но всё же тему «Лермонтовский Петербург» считаем приоритетной для себя. Именно в Петербурге написаны самые значительные произведения (стихотворение «На смерть поэта», драма «Маскарад», закончен роман «Герой нашего времени»). Здесь Лермонтов сблизился с кругом друзей Пушкина, с литературным Петербургом. Началась дружба с семейством Николая Михайловича Карамзина, с лучшим журналом тех лет «Отечественными записками», главным редактором которого был Краевский. Вышли в свет отдельными изданиями роман «Герой нашего времени» и единственный прижизненный сборник «Стихотворения М. Лермонтова».

Мы провели предварительные переговоры с петербургскими издательствами: «Алетей», «Азбука», «Лимбус Пресс», «Вита Нова» о возможности издания и переиздания произведений М.Ю. Лермонтова и литературы о нём с комментариями специалистов и проведения выставок-

презентаций книг для самой широкой аудитории. В следующем году планируем начать работу в этом направлении. Как видим, библиотека и здесь может стать связующим звеном между заинтересованными творчеством Лермонтова людьми.

Есть выражение – «магия имени». Магия имени Михаила Юрьевича не отпускает меня. Я выросла в доме Карамзиных на Гагаринской улице, где Лермонтов впервые встретился с Наталией Николаевной Пушкиной, провёл последнюю ночь перед отъездом на Кавказ в последнюю же свою ссылку, на балконе этого дома написал стихотворение «Тучки небесные, вечные странники». Я работаю в библиотеке, носящей имя поэта. Магия этого имени дает нам вдохновение, новые идеи, помогает претворять в жизнь наши проекты, настоящие и будущие.

Сведения об авторах

Виноградов Алексей Витальевич, историк-лермонтовед, депутат Городской Думы г. Армавира. Живет в Армавире.

Виноградов Виталий Борисович, академик-руководитель научной Школы Международной академии наук, академик Международной академии информатизации, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения и специальных исторических дисциплин Армавирского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Кубани, Чечено-Ингушской АССР. Живет в Армавире.

Захаров Владимир Александрович, канд. истор. наук, председатель Лермонтовской комиссии Союза писателей России, лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова, зам. дир. Центра кавказских исследований МГИМО (У) МИД РФ, советник Комитета по вопросам развития культуры Общественной палаты РФ. Живет в Москве.

Зубарева Ия, заведующая библиотекой филиалом N 11 имени М.Ю. Лермонтова в Костроме. Живет в Костроме.

Егорычева Е.А., заместитель директора муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Костромы». Живет в Костроме.

Коваленко Александра Николаевна, заведующая мемориальным отделом Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Живет в Пятигорске.

Корнякова Римма Александровна, методист Межрайонной централизованной библиотечной системы имени М.Ю. Лермонтова в Санкт-Петербурге. Живет в Петербурге.

Левагина Светлана Николаевна, заместитель директора Областной юношеской библиотеки имени А. А. Суркова в Ярославле. Работает над диссертацией на тему «». Постоянный участник всех Лермонтовских чтений. Живет в Ярославле.

Миллер Ольга Валентиновна, старший научный сотрудник Библиотеки Академии наук. Живет в Санкт-Петербурге.

Нитченко Андрей, поэт, аспирант ЯГПУ. Публикуется в центральных российских литературно-художественных журналах. Автор поэтического сборника «Водомер» (2005). Лауреат Ильи-премии (2004), Международного Волошинского конкурса (Коктебель, 2004), Премии Бориса Соколова (2005) и Российской независимой премии «Дебют» (2005) в номинации «Литература духовного поиска». Был в числе молодых талантливых российских литераторов, приглашенных в феврале 2006 года на встречу с президентом Путиным в Ново-Огарево. Живет в Ярославле.

Тангалычев Камиль Абидуллоевич, заслуженный писатель Республики Мордовия. Писатель, публицист, поэт. Автор восьми книг стихов и эссе. Лауреат еженедельника «Литературная Россия» (2003) за свой, особый взгляд на русскую классику и современную политику. Живет в Саранске.

ЕГО ОТЧИЗНА В НЕБЕСАХ

Материалы шестых Лермонтовских чтений

17 октября 2006 года

Материалы сборника издаются в авторской редакции
Тираж 200 экз.

Центральная библиотека имени М.Ю. Лермонтова
муниципального учреждения культуры
«Централизованная библиотечная система города Ярославля»

150049 г. Ярославль, проспект Толбухина, 11
Тел./факс: (4852) 21-07-34
Отдел краеведения: 45-77-86
e-mail: foton@clib.yar.ru
www.clib.yar.ru